

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Кочевая КРОВЬ

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 80-х

Геннадий
СОРОКИН

Геннадий Геннадьевич Сорокин
Кочевая кровь
Серия «Андрей Лаптев», книга 3
Серия «Детектив-ностальгия»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44584667
Кочевая кровь: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101674-6

Аннотация

Все началось с того, что за городом расположился цыганский табор. Сначала от любви к цыганке потерял голову один из сотрудников местного райотдела милиции. Потом при странных обстоятельствах погиб цыганский барон. А уж после того, как в лесу нашли милиционера с проломленной головой и без табельного оружия, в городском УВД забили тревогу. Следователь Андрей Лаптев понимает, что они имеют дело не с обычной бандой, а с племенем, владеющим древней магией, а потому стандартные методы работы на этот раз не годятся...

Содержание

Глава 1. Труп на свалке	5
Глава 2. Ни там, ни тут	18
Глава 3. Трещины по льду	29
Глава 4. Старик Кусакин и его учение	55
Глава 5. Мой коллектив	60
Глава 6. Два задания	65
Глава 7. Студенты	85
Глава 8. Отец и дочь	97
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Геннадий Сорокин

Кочевая кровь

© Сорокин Г.Г., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1. Труп на свалке

– Да что ты понимаешь в любви! – Валерий Петрович, когда горячился, начинал помогать себе руками: пальцами показывал крохотные размеры, рукой указывал направления, кому куда идти, мог показать собеседнику фигу, что означало «ни за что!».

Сегодня Валерий Петрович был особенно эмоционален. Любовь он изобразил как невидимый хрустальный шар, который держал перед собой на ладони.

«Высоцкий в образе Гамлета так же держит череп какого-то Йорика, – подумал я. – Наверняка Десницкий видел эту фотографию, вот и подражает Высоцкому-Гамлету».

– Слушайте рассказ о настоящей любви! – продолжал Валерий Петрович. – Я эту любовь видел и с расстояния, и в упор. Я в крови был весь за-за этой любви!

– Ближе к теме, – предложил Гриша Першин, начальник следственного отделения нашего РОВД.

– Все, оставлю лирику, только суть! – согласился Валерий Петрович. – События происходят десять лет назад, в 1976 году. Я тогда только начал работать в милиции, но это не важно. Жил я на улице Гоголя в пятиэтажном доме. В соседнем подъезде жила семья Замараевых – дядя Миша и тетя Зоя. Я знал их с детства, а как не знать, они в соседнем подъезде жили, считай что родня. В семидесятые годы лю-

ди были дружнее, не то что сейчас. Так вот, сколько я знал эту тетю Зою, она всегда была в одном возрасте – древняя старуха, а муж ее был обычный мужик – он старился постепенно. Так вот, этот дядя Миша отличался от всех на свете – он, никого не стесняясь, мог сказать: «Я люблю свою жену!» У нас же как предписано: любишь не любишь, а на публику свои чувства не выноси. А он плевал на все и мог свою старушку на улице обнять и в щеку чмокнуть. Любил он ее! Но она померла. Дяде Мише тогда было лет 65, не больше, а старуха была его на восемь лет старше. Он ее на фронте встретил и там с ней сошелся, вернулся домой, с женой развелся и стал жить с этой тетей Зоей. После ее смерти осунулся, как лунатик стал: идет по двору и ничего не видит. Я не знаю, как бы он ее хоронил, но тут съехалась вся родня, дети взяли организацию похорон в свои руки, и все пошло чин-чинарем: гроб, саван, венчик на лоб, ночное бдение. В тот день, когда покойницу привезли в квартиру и выставили тело для прощания, я заходил к ним. Дядя Миша на кухне мужикам говорит: «Я без нее жить не хочу и не буду!» Они ему: «Да ладно, Миша, сейчас с похоронами управимся, там время пройдет, и жизнь наладится. Ты еще не старый, в твои годы не поздно все заново начинать». Дядя Миша ничего не стал отвечать, выпил стакан водки, взял табуретку, сел у гроба, положил голову жене на грудь и замер. Я утром прихожу, он в той же позе сидит, за ночь не пошевелился. У меня мысль мелькнула: «Не помер ли?» Нет, смотрю, спина

шевелится, значит, дышит. Наступает полдень. К дяде Мише подходит сосед, трогает за плечо: «Миша, пора к выносу готовиться». Он встрепнулся, голову поднял и говорит: «Все собрались? Ну, давайте, ребята, а мне к Зое пора!» Пока до нас смысл сказанного дошел, он достает из внутреннего кармана пиджака пистолет, упирает дуло в подбородок и жмет на курок. Бац! – и мозги по всей квартире. Нехорошо, конечно, получилось: все, кто рядом стоял – в крови, бабы визжат, суматоха, гроб с покойницей перевернули, сын с табуретки упал и руку сломал. Зато все поняли, как он ее любил! Сказал: «Жить без Зои не хочу!» – и не стал.

– Пародия какая-то, а не любовь! – возразил я. – Какая-то история для девочек-подростков: «Я любила этого мальчика, а он меня нет; наглотаюсь таблеток и умру, пускай ему стыдно будет!»

– Где он ствол взял? – спросил практичный Першин.

– С войны привез. – После театрализованного выступления у Валерия Петровича наступила фаза успокоения. Он вернулся за свой стол, закурил. До окончания первомайского бдения оставался еще час.

– Я как-то думал над ситуацией, когда один из супругов умирает в расцвете лет, – начал я, но Валерий Петрович перебил:

– Андрей, чего там ты думал! Ты бы женился вначале, а потом о семейной жизни рассуждал!

– Если на то пошло, – жестко возразил я, – то я как бы два-

жды был женат, только до ЗАГСа все дойти никак не удавалось. Но не в этом суть. Штамп в паспорте ума не прибавляет. Кольцо на пальце – не залог вечной любви. Все мы смертны, и все можем покинуть этот мир до наступления глубокой старости. Так вот, я прикидывал, что скажу своей любимой жене в минуту расставания. Моя последняя воля будет выглядеть так: «Как только меня закопают на кладбище, так отбрось все условности и живи, наслаждайся жизнью! Никакого траура, никаких черных одежд и свечек в церкви. Если встретишь хорошего мужчину – выходи за него замуж, не раздумывая. Моя душа в путешествии к звездам будет радоваться твоему счастью, а уныние и вдовство – это удел религиозных фанатичек. Человек создан для счастья, все остальное – ханжество!» Вот так! И это есть любовь! Настоящая любовь – это не мозгами на соседей брызгать, а желать счастья любимому человеку с тобой и без тебя. И никто на свете не переубедит меня!

– Как-то я уже слышал подобное, – вступил в разговор Александр Сергеевич Васильев, начальник уголовного розыска и мой непосредственный шеф. – Иду по улице, впереди меня мужчина и женщина. Он что-то рассказывает ей, и до меня доносится одна фраза: «Запомни, в мои жизненные планы не входит присутствовать на твоих похоронах». Красиво, лаконично.

– Да это цинизм какой-то – рассуждать, кто раньше умрет! – Валерий Петрович передохнул, набрался сил для

нового диспута.

– А на похоронах стреляться – не цинизм? – буром поперя. – Мог бы на кладбище встать у ее могилы и тогда на курок нажать.

– Не, Андрей, ты ерунду говоришь! – не согласился Першин. – На могиле стреляться – еще больше мороки. Сам представь, тело самоубийцы упадет в могилу. Его по-любому доставать придется – на экспертизу везти. В квартире хоть... Ай, нет! И то, и то, по большому счету, – скотство, неуважение к людям. Почему бы этому дяде Мише после похорон не застрелиться? Пришел бы один на ее могилку, посидел, вспомнил былое – и жми на курок!

– Бред собачий! – возмутился Васильев. – Если он один застрелится, то неизвестно, кому пистолет достанется. Нынче на кладбищах полно темных личностей ошиваются, найдут ствол и бандитам за копейки продадут.

– А какой пистолет у него был? – спросил я.

– Браунинг. Маленький такой, в ладошку помещается. Одну пулю он израсходовал, а еще две в магазине остались.

На столе у Валерия Петровича зазвонил телефон. Мы переглянулись: поздний звонок ничего хорошего не предвещал.

– Начальник отдела охраны общественного порядка Десницкий, – представился Валерий Петрович. – Чего там? А кто проверял? И что, есть следы насильственной смерти? Я понял тебя, сейчас решим, кому выезжать.

Десницкий вернул трубку на место.

– На свалке обнаружили труп, следов насильственной смерти нет, но постовые, которые осматривали тело, требуют приезда начальства. Что-то с этим покойником не то. Кто поедет?

Васильев, не задумываясь, указал на меня.

– Андрей Николаевич съездит. Его дома семеро по лавкам не ждут. К тому же свалка – это его участок.

– Чертовщина какая-то! – пробормотал я. – Как Первое мая, так мне убийство достается: то одноклассницу застрелили, то в прошлом году сосед по общежитию жену зарезал. Сколько сейчас времени? Половина восьмого? С этим трупом придется до темноты возиться, там же свалка, там ночью можно ноги переломать. Кто его нашел, кому в праздник дома не сидится?

– Давай, Андрей, собирайся, на месте все узнаешь. Если что-то серьезное, сообщи в райотдел – все по свалке ползать будем.

На место происшествия мы выехали на дежурном «уазике». Я, как представитель руководства райотдела, занял переднее место, эксперт-криминалист и два оперативника уселись сзади. За рулем был Сергей Смакотин по кличке Доктор. Свое прозвище он получил за тягу к знаниям – после службы в армии дважды пытался поступить в мединститут и всякий раз не мог написать сочинение хотя бы на «тройку». «Ничего не понимаю! – возмущался Смакотин. – За-

чем врачу разбираться в литературе? С больными о творчестве Пушкина толковать?» В этом году Серега собрался штурмовать мединститут в третий раз. Представляю, как это будет выглядеть: заходит Смакотин в экзаменационную аудиторию. Навстречу ему выбегает председатель приемной комиссии: «Здравствуйте, уважаемый! Надеюсь, за прошедший год вы осилили роман Горького «Мать»? Нет?! А чем вы занимались, изучали правописание «жи-ши»?» Я как-то спросил у Смакотина: «Серега, а чего ты рвешься в мед? Шел бы в технический вуз, ты же водитель, для тебя любой двигатель как открытая книга». Доктор в ответ обиженно надул щеки: «Мечтаю человеком быть, а не в мазуте ковыряться».

На выезде из РОВД, на всю торцевую сторону пятиэтажного дома, недавно повесили огромный плакат с изображением прилизанного рабочего. «Социализм – это трезвость!» – утверждал плакат.

– Помнится, когда я еще в школу ходил, – сказал Доктор, выворачивая на проспект, – висел здесь плакат с Брежневым. Он призывал за мир бороться, а сейчас наляпали какого-то ублюдка, сам не пьет и нам не советует. «Трезвость – норма жизни!» Когда пьяные матросы революцию делали, про трезвость, поди, никто не вспоминал!

«Вот оно, одно из последствий перестройки! – по-думал я. – Раньше Доктор не рискнул бы публично героев революции оплевывать, а теперь – пожалуйста! Плюрализм, свобода мнений! Демократия и гласность. Надолго ли, спрашива-

ется?»

Лично я старался избегать диспутов на политические темы. Гласность, какая бы она ни была, все равно имеет свои пределы. Ляпнешь в приливе откровения свое мнение о политике партии – враз карьеру на корню загубишь. Партия, она такая – кому-то болтать разрешает, а за кем-то бдительно присматривает.

– Андрей Николаевич, – по годам Смакотин был мне ровесник, но служебный этикет предписывал обращаться к офицеру по имени-отчеству, – ты не слышал, говорят, на Украине атомный реактор взорвался?

– В первый раз слышу. Ты откуда такую новость узнал?

– По «Голосу Америки» передавали. Врут, поди. Буржуи всегда врут. Помнится, как-то раз они сообщили, что Брежнев помер. Все плевались, говорили: «Ложь! Провокация!», а на другой день оказалось, что скопытился «дорогой Леонид Ильич».

– У тебя хорошо «Голос Америки» ловит? – спросил с заднего сиденья эксперт.

– Да так себе, потрескивает. Все хочу антенну на крышу вывести, может быть, тогда помех меньше будет.

«Еще пару лет назад только безумец мог признаться, что он слушает радиостанции, финансируемые ЦРУ. Сейчас ничего, можно на эту тему поговорить. А про взрыв атомной электростанции я еще ничего не слышал. Наверное, точно где-то бабахнуло, если официальные власти молчат».

На красный сигнал светофора мы остановились. У перекрестка – два агитационных стенда. На левом: «Решения XXVII съезда КПСС – в жизнь!» На правом – уже знакомый нам рабочий, но в компании с женщиной и интеллигентом в очках. «Трудящиеся Кировского района голосуют за трезвость!» – провозглашает троица.

– Кто эти трудящиеся, которые постоянно за что-то голосуют? – спросил Доктор, показывая рукой на плакат. – Сколько себя помню, всегда какие-то «трудящиеся» выступают с инициативами, от которых хоть стой, хоть падай! Почему меня никто голосовать за трезвость не зовет, все за моей спиной решают?

– Хватит стоять, поехали! – я щелкнул тумблером, на крыше завывала сирена, замелькали проблесковые маячки.

– Как скажешь, Андрей Николаевич! – Доктор переключил скорость, автомобиль, взвизгнув шинами, рванул по проспекту.

– «А город подумал, ученья идут!» – сострил эксперт. – Менты на срочный вызов помчались.

Попетляв по лабиринту улиц, мы выехали на трассу, ведущую в районный центр Мокроусово. Пять километров по асфальту – и вот он, съезд на городской полигон по захоронению и обработке твердых бытовых отходов, в просторечье именуемый свалкой.

Дорогу на полигон преграждал шлагбаум. Вывеска у сторожевой будки извещала: «Въезд без талонов строго запре-

щен!» На табличке поменьше – объявление: «С 1 по 4 мая полигон не работает».

Рядом с въездом на свалку стоял патрульный «уазик» из нашего райотдела. Завидев нас, из него вышел милиционер, открыл шлагбаум, жестом предложил следовать за ним. На двух автомобилях мы заехали в глубь полигона. Из патрульной машины вышел водитель.

– Дальше дороги нет, – сказал он. – Пешком пройдете по тропинке до начала горы и увидите, там наши стоят, труп охраняют. Я назад вернусь, буду судебного медика с прокурором ждать.

Обходя кучи строительного мусора, мы дошли до подножия искусственной горы.

– Привет! – я поздоровался со старшим патруля, подошел к трупу. – Чего всполошились, на нем вроде бы крови нет. Лицо чистое, без синяков.

– Ты присмотришь, Андрей Николаевич, ничего странного не находишь?

Я присел у трупа. Покойному на вид было лет двадцать. Бледное лицо, аккуратная модельная стрижка. Одет паренек был – дай бог каждому! Венгерская куртка-ветровка, под ней вельветовая рубашка фирмы «Ли», на ногах кроссовки. Упитанные ягодички обтягивали фирменные джинсы с тройной строчкой по бокам.

– Полет мысли понял. – Я встал, потряс успевшими затечь ногами. – Такому франту совершенно нечего делать на го-

родской свалке. Кто его обнаружил?

– Никто, – старший патруля сплюнул, достал папироску, дунул в гильзу, закурил. – Сигнал об обнаружении трупа прошел по «02». Анонимный звонок.

– Сторож ничего не видел? – кивнул я в сторону въезда на полигон.

– Сторож спит пьяный. Я пытался его растормошить – бесполезно.

– Свидетелей нет?

– Какие свидетели, Андрей Николаевич! Первое мая – все советские люди давно уже водку пьют и холодцом закусывают. Одни мы здесь, до утра ни одна живая душа из своей норы не выползет.

Приехавший в сумерках судебно-медицинский эксперт поворожал труп, пощупал ребра, проверил целостность конечностей.

– Я не берусь сказать, от чего он умер, – медик встал, аккуратно снял резиновые перчатки.

– Зачем вы меня вызвали? – стал возмущаться следователь прокуратуры. – Что, протокол осмотра сами составить не в состоянии? Обычный «мирный» труп, а вы шум подняли, меня с праздника сдернули.

– Спору нет, труп «мирный», – сказал я. – Только как он сюда попал?

– Сам пришел, ногами, – насупился следователь.

– Да, да, сам! Прямо с демонстрации на свалку завернул,

больше же некуда! Ты посмотри, как он одет! На нем джинсы «Леви Страусс», они на базаре двести пятьдесят рубликов стоят. Ты в таких джинсах пойдешь по свалке гулять? Тот-то! Его мертвого сюда привезли и на руках до склона горы дотащили.

– Не горячись, Андрей! – примирительно сказал медик. – До вскрытия он все равно будет «мирным» трупом. Давайте побыстрее с ним закончим, и по домам!

– Я поехал! – следователь развернулся и пошел к сторожке.

– Осмотр писать не будешь? – крикнул я ему вдогонку.

– В прокуратуре напишу!

– Грузите тело! – скомандовал медик санитарам. – Поехали, Андрей, заедем в морг, я тебе соточку чистейшего спирта-ректификата налью! Выпьешь – соколом проскользнет! Праздник же, поехали!

Я подумал и отказался. Посиделки в морге могли затянуться до полуночи, а то и дольше. На чем мне потом до дому добираться? Пешком, через весь город, как-то неохота, такси ночью не ходят. Частник не рискнет подвозить одинокого мужчину.

Проводив медиков, я позвал оперативников на гору. В сгустившихся сумерках на окраине полигона стал виден отвал – котлован, в котором под рыхлым слоем пепла мерцали раскаленные уголья – метра три медленно прогорающего мусора.

– Вот так выглядит ад на земле, – сказал я операм. – Если бы кто-то хотел уничтожить труп, то лучшего места просто не придумать. Любой предмет, брошенный в отвал, погружается в огненную лаву и в считанные секунды либо сгорит, либо расплавится. Мертвеца до отвала не донесли, а демонстративно оставили на видном месте. Сдается, неспроста его нам подбросили.

Домой я вернулся ближе к полуночи. В крохотной двенадцатиметровой комнате в общежитии меня никто не ждал. Наскоро поужинав магазинными пельменями, я лег спать.

Глава 2. Ни там, ни тут

В ноябре 1983 года я восстанавливался в больнице после ранения¹. Свободного времени в стационаре – хоть отбавляй, а заняться нечем. Лежа на скрипучей казенной койке, я часами разглядывал потолок. Блуждая взглядом по неровностям побелки, я мысленно то погружался в прошлое, то пытался спрогнозировать будущее. Мне было уже двадцать три года – самое время подвести предварительные итоги и решить: как жить дальше?

«Как жить дальше?» Этот философский вопрос можно разделить на две составляющие: придерживаться ли прежних мировоззрений и, самое главное, с кем жить? С кем, черт возьми, связать свою судьбу: с Мариной или с Наташкой? Какую из сестер выбрать: старшую или младшую?

Мои нравственные принципы незыблемы – я как был врагом условностей, так и останусь им, а вот с сестрами полная ерунда, ничего не понять. Проклятый учитель Седов спутал все карты и откинул меня на обочину жизни, в больницу, а любая больница – это своего рода жизненный изолятор, в котором ты находишься в подвешенном состоянии: ни там, ни тут; ни на работе, ни в отпуске; ни холостой, ни женатый. В больнице ты как огурец в консервной банке – плаваешь в

¹ Подробнее о захвате в заложники Натальи Антоновой, ее освобождении и обстоятельствах ранения Андрея Лаптева в книге «Лагерь обреченных».

мутном лекарственном растворе и ждешь своего дальнейшего применения: или на праздничный стол в качестве основной закуски, или в мусорное ведро, к отбросам.

Итак, сестер две. К обеим я в женихи не набивался, но свою дальнейшую судьбу планирую связать с одной из них, а вот с какой именно – пока непонятно.

Как будущая жена, меня вполне устраивала Марина – симпатичная рыжеволосая девушка без патриархальных предрассудков и условностей. В кровати Марина была неистощима на фантазии, каждая ночь с ней была по-своему яркой и запоминающейся. На генетическом уровне в Марину была заложена снисходительность к традиционным мужским слабостям: выпивке с друзьями, флирту на стороне, охоте, рыбалке, футболу. Она считала, что если муж заявился домой под утро, пьяный, со следами чужой губной помады на одежде, то это не вселенская катастрофа, а всего лишь повод для бурного выяснения отношений, после которого супруг на пару месяцев присмирееет и станет вести себя как самый образцовый семьянин. О такой жене, как Марина, мечтали все холостяки в Верх-Иланске.

Ах, Верх-Иланск, окраина земли! За все время ссылки в нем я не встретил ни одного мужика, который бы сказал: «Я женился по любви». Все женились на «порядочных хозяйственных девушках», будущих матерях своих детей. Для счастливой жизни в поселке любовь была необязательна. Гораздо большее значение имело умение невесты содержать

огород в чистоте и порядке. Любовь, она ведь со стороны забора не видна, а так каждый прохожий полюбуется аккуратно прополотыми грядками и скажет: «Повезло ему с женой, ни одной травинки в огороде нет!» Марина, я в этом уверен, вылизала бы нашу усадьбу до блеска, да вот только жить в поселке она категорически не хотела, а у меня не было никаких возможностей вернуться в город.

Город, мой любимый город, крупный областной центр, где я познакомился с Мариной.

Осенью 1982 года я поселился в рабочем общежитии первого хлебокомбината. В этой же общаге жила Антонова Марина. До самого лета 1983 года между мной и Антоновой никаких отношений не было, мы даже здоровались друг с другом через раз. Был ли в то время у Марины парень, я не помню, а вот у меня была вполне официальная невеста – Калмыкова Лариса. С Ларисой жизнь не сложилась, и уже в начале весны я оказался свободным мужчиной. В конце мая по ложному доносу меня обвинили в применении незаконных методов расследования, хотели уволить из милиции, но в последний момент передумали и ограничились сравнительно легким наказанием – переводом на новое место службы в сельскую местность в поселок Верх-Иланск. В ожидании переезда я сблизился с Мариной, которая оказалась уроженкой Верх-Иланска. Тот период наших отношений я бы назвал «пристрелочным». Неделю или полторы до моего отъезда мы присматривались друг к другу, пытались понять, имеют на-

ши отношения дальнейшую перспективу или нет. Марина решила, что имеют, и объявила себя моей невестой. Невеста так невеста! – я возражать не стал. Скажу больше: если бы Марина согласилась бросить завод и переехать в Верх-Иланск, я бы не задумываясь женился на ней. Но она в «родные пенаты» возвращаться не хотела, и на все лето наши отношения перешли в стадию «письма-встречи».

В сентябре Марина приехала в поселок в отпуск. Поселилась, естественно, у меня. Почти три недели мы прожили как муж и жена. На новой работе меня спрашивали: «Когда свадьба?» Я под разными предлогами уходил от ответа, так как ни о каком бракосочетании речи не было. Марина была против. В ее жизненные планы принятие скоропалительных решений не входило. Позиция Марины была такова: жених и невеста могут жить в разных городах, супруги обязаны быть вместе. Не проговаривая своих мыслей до конца, Марина дала понять, что если я к весне вернусь в город, то она с великой радостью выйдет за меня замуж, а если останусь прозябать в поселке, то – не судьба! Не сложилось. Дальше каждый пойдет своей дорогой.

Ничего обидного в ее намеках не было. Если обстоятельства сильнее человека, то какой смысл биться головой о стену? Что это даст, если стена из прочного монолитного бетона?

Не сговариваясь, примерной датой окончания наших отношений мы стали считать лето 1984 года, а еще точнее, тот

момент, когда Марина получит ордер на собственную комнату гостиничного типа. Эта КГТ меняла смысл наших отношений, она превращала Марину из хорошенькой незамужней девушки в завидную невесту. Собственное жилье в городе – это прочный фундамент для создания будущей семьи. Осенью 1983 года я в архитектурно-жителейский треугольник «Марина – город – гостинка» никак не вписывался.

Но, как бы то ни было, до будущего лета Марина решила остаться в статусе моей невесты. Чтобы я не блудил по поселку в поисках временной подружки, она подтолкнула к отношениям со мной свою младшую сестру – и крупно просчиталась. Наталья сама имела на меня виды. Она ведь тоже умела просчитывать перспективу и прекрасно знала, что с отъездом сестры мои отношения с ней станут затухать, как костер, в который в дождливую погоду забыли подбросить дров. И самое главное, Наташа видела, что между мной и Мариной нет никакой любви, а наш временный союз не более чем стечение обстоятельств: мне нужна хозяйка в дом, а Марине не терпелось выйти замуж за приличного непьющего мужчину.

В середине сентября весь Верх-Иланск копал картошку. До этого момента между мной и сестрами складывались забавные отношения. Я и Марина жили вместе, но оба понимали, что это ненадолго. В это же самое время я и Наталья «прошупывали» друг друга. Мной подсознательно двигало желание подобрать кандидатку на замену Марине. Зима-то

близко! Не получится с одной сестрой, можно сразу же переключиться на другую. Мои побуждения просты и понятны – мужчина не приспособлен длительное время жить без женщины, а вот что двигало Натальей, я затрудняюсь сказать. Иногда мне казалось, что она просто дразнит меня: то подпустит к себе, то отгонит, а иногда я читал в ее глазах: «Одно слово – и я твоя».

Шел день за днем, но я не мог понять: какая из сестер лишняя? По уму – Марина. Чем раньше мы расстанемся, тем лучше. Но, с другой стороны, Марина – вот она, а Наталья то дарит мне свои многозначительные улыбки, то нет, то целуется со мной в библиотеке, то при встрече отводит глаза. Могла бы сказать что-нибудь конкретное, и я бы в тот же день сделал выбор. Хотя легко сказать «сделал выбор»! Как бы это выглядело: «Марина, дорогая, я передумал на тебе жениться. Возвращайся к родителям, а Наталью с вещами отправляй ко мне».

До самой копки картошки я плыл по течению – куда принесет, так тому и быть.

По верх-иланскому обычаю все холостяки обязаны были помогать собирать урожай своим родственникам или знакомым. Я поехал с Антоновыми (а с кем еще, коли Марина – моя невеста?). Совместный труд сближает – час-два поработаешь в поле, и будущий тесть становится тебе ближайшим родственником.

Наступил полдень. Я и Михаил Антонов разговорились, и

он открытым текстом сказал, что Наталья – более подходящая пара для меня, чем Марина. Вот сказал так сказал! Его старшая дочь живет со мной, а жениться он мне советует на младшей. Как это понимать: Антоновы в семейном кругу обсудили мою кандидатуру и приняли решение поменять мне невесту? В какой момент должна состояться замена? Какова моя роль в этой пьесе? От меня требуется какое-то участие или все произойдет автоматически: Марина уезжает в город, а Наталья переселяется ко мне? А если я возьму и пошлю их всех куда подальше и начну ухаживать за какой-нибудь третьей девушкой? О нет, такой номер не пройдет. Тут весь поселок против меня ополчится, скажут: «Ты чего нам все лето мозги пудрил? Мы тебя за зятя Михаила Ильича считаем, а ты с ним родниться отказываешься? Так серьезные дела не делаются. Не получается со старшей дочкой – ну и бог с ним! Женись на младшей. Нечего в поселке интриговать. Здесь не город, здесь надо постоянство соблюдать».

С отъездом Марины я встал перед выбором: что делать, сохранять видимость отношений с ней или плюнуть на все и предложить руку и сердце Наталье? Кого бы я выбрал из них, если бы познакомился с обеими только сейчас? Пожалуй, Наталью. К Марине душа моя не испытывала трепетных чувств. Спать вместе – не значит любить.

Пока я размышлял о любви, в верх-иланском ДК произошел взрыв. Примчавшись на место происшествия, я метался в поисках Натальи и, увидев ее, понял: если бы она погибла,

я бы лишился самого близкого человека на земле.

Проклятый учитель Седов! Если бы не он, то в октябре-ноябре я повел бы Наталью в ЗАГС и был бы счастлив с ней, но трагические события в том же верх-иланском ДК перевернули все с ног на голову. Я оказался в одной больнице, Наталья – в другой.

Пока мы были изолированы друг от друга, свои права на меня заявила Марина. В первый раз она пришла ко мне через пару дней после операции. Время для свидания было самое неподходящее: в носу у меня торчали трубки воздуховода, подпитывающие кислородом раненое легкое, другой трубкой я был связан с аппаратом, непрерывно откачивающим жидкость из грудной клетки.

– Как ты сюда попала? – прошептал я.

– Тс-с! – Марина ладошкой прикрыла мне рот. – Я записалась на санпропускнике как твоя жена. Они не хотели меня пропускать, но я настояла.

Как только меня перевели в общую палату, Марина стала приходить каждый день. Вначале я думал, что ею движет жалость, но быстро понял, что она просто твердо придерживается первоначального плана – до лета я ее жених, и этим все сказано.

«Ничего у нас с тобой, Мариночка, не выйдет, – иногда с сожалением, иногда со злорадством думал я. – В декабре меня выпишут, и я вернусь в Верх-Иланск. В январе закончит лечение Наталья. Как только мы встретимся, я надену ей на

палец обручальное кольцо и уже больше никогда не отпущу от себя».

Медленно и тягуче тянулись дни в больнице, но иногда в них проскальзывали интересные запоминающиеся моменты.

По будним дням в нашем отделении уколы ставила медсестра Колосова Татьяна – хорошенькая незамужняя девушка с фигуркой гибкой, как тело саламандры. Халатики Колосова носила такие короткие, что когда она нагибалась над соседом по койке, я мог рассмотреть ее ноги до самого неприличия.

«А может, стоит плюнуть на все? – в который раз уже думал я. – Какого черта я мечусь между двумя сестрами, когда в мире полным-полно красавиц на любой вкус? Взять хотя бы эту Татьяну. Какая у нее фигура, какие стройные ножки! Дежурила бы она по ночам, я бы к ней подкатил, потолковали бы о творчестве Маяковского».

Попробовать, что ли? Или не стоит?

Все получилось само собой. Как-то утром Колосова пришла с набором шприцов и всем в нашей палате поставила уколы: кому один, а кому и три подряд. Настала моя очередь.

– Андрей Николаевич, поворачивайтесь на живот! – командовала Колосова.

– Татьяна, вы луч света в этом темном царстве, – пробормотал я, оголяя ягодицы. – Татьяна, я не успел сказать: вы сегодня прекрасно выглядите!

– Что вы, Андрей Николаевич! – поскромничала она. –

Ваша жена – вот кто всегда прекрасно выглядит.

В больнице все реакции заторможены. После упоминания о жене мне бы следовало спрыгнуть с кровати, но поздно. Удар! Колосова специально вонзает иглу в самое болезненное место. Это ее месть, чтобы не заигрывал без серьезных намерений. Морщась от боли, я натянул штаны.

– Андрей Николаевич, вы помассируйте болезненное место, легче станет.

«Ну, хорошо! – решаю я. – Настанет день, сочтемся».

Как по заказу, через неделю Колосову поставили дежурить в ночную смену. Я дождался, пока наступит поздний вечер и все больные разбредутся по палатам. Колосова, заполнив формуляр выдачи лекарств, пошла в административное крыло, но я нагнал ее и зажал в темном углу.

– Дурак, что ли? – зашипела она, без предисловия переходя на «ты». – Отцепись сейчас же, нас же увидеть могут!

– Один раз поцелую – и все! – прошептал я. – Один раз, Таня, всего один раз.

– Пусти меня, или я закричу, – злобно прошептала Колосова. – Я на тебя докладную напишу!

– В милицию заявление подай. Я давно никого из коллег не видел.

Татьяна попыталась вырваться из моих объятий, но куда там! Я уже почти выздоровел, боль в переломанных ребрах прошла, руки вновь окрепли.

– Какой же ты мерзкий! Как от тебя табаком раз-зит...

Женщину нельзя поцеловать, если она не захочет. Татьяна крутила, крутила головой и смирилась. Я чувственно поцеловал ее.

– Пошли в сестринскую, – прошептала она. – Я сегодня одна на этаже дежурю.

– Зачем? – «удивился» я. – Один поцелуй – и все! Продолжения не будет.

Оставив обескураженную медсестру поправлять наряд, я пошел спать.

До самой выписки она со мной не разговаривала. В день сдачи больничного имущества Колосова встретила меня в коридоре и вложила в руку записку с номером ее домашнего телефона.

«Зачем он мне в Верх-Иланске?» – подумал я и выбросил бумажку.

Наступил декабрь. Я вышел на работу, Наталья уехала на восстановительное лечение в санаторий в Краснодарском крае. Марина жила своей жизнью в городе. Сомнений в дальнейшем раскладе не было никаких: я – Наталья – ЗАГС. Но коварная синусоида вновь показала свой непредсказуемый характер: меня, с повышением по службе, перевели в Кировский райотдел областного центра. Марина, узнав о моем возвращении, вцепилась в меня мертвой хваткой, и теперь уже Наташа не имела никаких шансов пойти со мной под венец.

Глава 3. Трещины по льду

После выписки из больницы и повышения по службе я переехал к Марине в рабочее общежитие. По иронии судьбы, она жила в той же комнате, которую занимал до отъезда я. Что у меня, что у Марины штор на окнах не было. Когда я жил в этой комнате, мне, честно говоря, было лень вешать гардину, бегать по магазинам в поисках материи для штор, и, самое главное, я никого не стеснялся. Окна моей комнаты выходили на хлебозавод. Если кто-то из рабочих поздним вечером увидит в окне мой обнаженный торс, это не беда.

Поступая в школу милиции, я прошел столько медицинских комиссий, что чувство стыда у меня атрофировалось на всю оставшуюся жизнь. В первый раз неловко было голым стоять перед незнакомыми мужчинами и женщинами в белых халатах, а потом привык.

Мне стесняться было некого, а вот как Марина жила без штор?

Первый звоночек прозвенел, но я на него не обратил внимания. Мне было не до того. Меня сжирала, давила и плющила вселенская тоска.

Дважды в год, в октябре, перед днем рождения и в самом конце декабря я ощущал упадок физических и моральных сил. Депрессия, хандра, апатия – это состояние можно назвать как угодно. Выйти из него можно или через спиртное,

или с головой погрузившись в работу.

В конце декабря 1983 года я ни напиться, ни работать еще не мог. Пить не советовали врачи. «Пожалей свою печень! – напутствовал меня завотделением. – За время лечения мы в тебя столько антибиотиков впихнули, что как минимум пару месяцев надо попоститься. Бокальчик шампанского в Новый год, и ни грамма больше!» К работе на новом месте я еще толком не приступил.

В последнюю пятницу уходящего года я стоял в своей комнате, прижавшись лбом к стеклу. За окном валил снег. На душе скребли кошки. Кривая «синусоиды жизни», поднявшись вверх (выписка, повышение, возвращение в город), внезапно ухнула вниз, и я не мог понять, что изменилось в окружающем мире и что ввергло меня в уныние. Правильно ли я поступил, что вместо Верх-Иланска и Натальи выбрал город и Марину? Где грань между любовью и практицизмом, между непреодолимыми обстоятельствами и малодушием?

А чего это я только в себе ищу причины моего расставания с Наташкой? Почему во всем должен быть виноват один я? В день моего рождения я предложил ей выйти за меня замуж, но она отказалась. Экая гордячка! Я что, должен был на колени вставать? Я никому до нее жениться не предлагал, опыта в таких делах у меня никакого нет. Могла бы войти в мое положение: провел бурную ночь с женщиной – она оказалась девственницей. Это как удар копытом в лоб. Был умный – стал дурак. Был самонадеянный молодой человек,

стал растерянный юноша с вещественными доказательствами первой любви на руках. Один мой приятель как-то сказал: «Если я встречу девственницу, то женюсь на ней, даже если она будет страшнее атомной войны». До сих пор холостяком ходит. Он не встретил, а мне выпало.

Из снежной пелены на заводскую площадь вынырнули два пьяных мужика. Постояли, посоветовались и пошли в сторону слесарных мастерских. Пятница! Рабочий класс имеет право расслабиться после трудовой недели.

За моей спиной хлопнула дверь. Вернулась Марина.

– Ты не соскучился? – она обняла меня, чмокнула в шею. – Побудешь еще немного один, я сбегаяю на пять минут, поговорю с девчонками из тридцатой комнаты.

«Каждый вечер одно и то же. Она видит своих подружек на заводе, но все новости обсуждает исключительно вечером в общежитии. За день наговориться не могут, что ли?»

Я прислушался к звукам в коридоре. За время, прожитое в общежитии, я научился безошибочно определять приближение грандиозной попойки. Сейчас в общежитии стояло обманчивое затишье, но день-то – пятница! И до самого главного праздника в году совсем ничего.

«Интересно, – подумал я, – сегодня будет «мужской» день или «женский»? Судя по звукам, мужики сегодня не в теме, значит, перепьются девчонки. Тишина. Марина ускакала. Сегодня, чую, будет весело. А может, наступит день «Всеобщей тоски», такое уже как-то было под Восьмое марта».

День «Всеобщей тоски», как я его назвал, начался с тревожной тишины. Был обычный будний день, среда или четверг. Одна девушка рассталась со своим парнем и решила залить горе вином. Соседки по комнате поддержали ее. Потом к посиделкам присоединились еще две женские комнаты, потом еще и еще, и к вечеру все незамужние бабенки на этаже были «на рогах». Шум, разборки на повышенных тонах, женский визг, мужской хохот, пошлые предложения: «Анжела, да не плачь ты! Пошли к нам в комнату. Мы сегодня с Саньком вдвоем. Утешим тебя, как сможем».

Как-то раз, уже на закате наших отношений, пошли мы с Ларисой Калмыковой в кино. Перед фильмом шел тележурнал о неизученных человеком особенностях жизни животных, рыб и птиц. Например, никто не может объяснить, почему океанские рыбы, идущие многокилометровыми косяками к Гренландии, внезапно, как по команде, все одновременно меняют направление своего движения. Или птицы, клубящиеся стаями перед отлетом в дальние края: летели все на юг – бац! – и всей стаей сменили направление на запад, а потом – снова на юг.

– У нас в общаге то же самое, – сказал я Ларисе. – Иногда, без повода и праздника, впадают в загул или мужики, или женщины, или все разом. Я пытался понять природу этого явления, но оно, с точки зрения здравого смысла, необъяснимо.

– У вас там оргии каждую неделю, а ты хотел, чтобы я к

тебе в общагу переехала? – усмехнулась Лариса.

– Не каждую неделю и даже не каждый месяц, – возразил я. – Рыбы тоже не каждый день к новому морю плывут.

– Я не хочу быть рыбой, – поставила Лариса точку в наших отношениях.

Сейчас она живет с приемщиком стеклотары. Меха, золото, автомобиль «Волга». Девичьи мечты о сытой благополучной жизни сбылись.

«А я-то о чем мечтаю, о любви или о теплой стайке и крыте, полном свежих помоев? Мне стоит успокоиться и перестать твердить каждому встречному, что я – враг условностей, или продолжить метаться в поисках неизвестно чего? Что такое любовь, не объяснил ни один поэт, ни один философ. Любовь бывает разная, и, наверное, у каждого своя: кто страдает от любви, кто-то поет песни, кто-то плачет в одиночестве, а кто-то скачет от счастья. Я упустил тот миг, когда мои чувства к Наталье были истинными. Сейчас я пытаюсь вернуться к исходной точке, но тщетно. Я не могу понять, когда я был по отношению к ней по-настоящему искренним. Я даже не могу понять, мои чувства к Наталье – это любовь или это неосознанное влечение к женщине, с которой можно смело создавать семью и не заботиться о воспитании детей и быте? Пришла бы она сейчас и объяснила мне: скотина я или тряпка. Если я скотина, то все еще поправимо. Я откажусь от должности в городе и вернусь в Верх-Иланск, но если она считает, что я сошелся с Маринкой в силу обстоятельств, то

между нами все кончено».

В коридоре раздался женский смех. Я угадал. Сегодня наши заводские рыбины повернули в сторону винного магазина. Сейчас посмеются, походят туда-сюда, и начнется выяснение отношений: кто у кого мужика отбил.

«Я городской житель. Я родился и вырос в городе. Для меня остаться в Верх-Иланске – это поступок, это решение, которое перечеркивает всю мою дальнейшую карьеру в милиции. Если здраво рассудить, то даже начальник районного отдела милиции в сельской местности – это должность менее престижная, чем начальник ОУР в городском райотделе. Если мне оставаться в поселке, то должен быть сильный побудительный мотив – любовь, любовь, и ничего более любви! Могла же она сказать: «Я передумала, я хочу быть твоей женой». Могла, но не стала. А может, времени не было и все еще впереди?»

От этой мысли у меня все внутри похолодело. Я ясно и зримо представил, как в комнату врывается Наталья, отгалкивает сестру и с размаху бьет меня по щекам: «Подонок, тварь, предатель!» О, по щекам – это было бы нормально! Это чувства, это любовь. Вот если она вернется и одарит меня презрительным равнодушием, то тут – все, тут конец.

«Что выбрать: город, жену, с которой я буду «просто» жить, или Наталью с ее непонятым отношением ко мне? Что лучше: быть как все или искать свою половинку? А если я до седых волос не встречу женщину своей мечты, тогда

как?»

В коридоре что-то грохнулось, у мужского туалета грузчик Иванов витиевато выругался матом, у соседей снизу заплакал ребенок, на секунду-другую в общежитии повисла тишина и... многоголосый женский хор тоскливо и протяжно затянул: «Жить без любви совсем непросто, но как на свете без любви прожить?»

«Тьфу ты! И так на душе паскудно, так еще и они завывают, как по покойнику. То спят со всеми подряд, то страдают по большой и чистой любви. Анжелкин же голос солирует. Пробы на ней ставить некуда, а все туда же, жить ей непросто! Конечно, непросто: два аборта за год, и оба зачатия неизвестно от кого».

По шагам я определил, что возвращается Марина. Скрипнула давно не смазанная дверь, подали свой голос разошедшие половицы. Марина обняла меня сзади и затряслась в пьяных рыданиях. Горячие слезы потекли мне на шею. Сквозь всхлипывания она шептала:

– Андрюшенька, я так люблю тебя. Я буду любить тебя вечно. Я все тебе прощу.

– Что ты собралась мне прощать? – напрягся я.

– Все, все, что ты успел сделать, я все тебе прощу. И Ингу, и Лариску, и даже ее.

– Кого «ее»? – спросил я металлическим голосом.

– Не знаю кого, но чувствую, что между мной и тобой была женщина. Забудь про нее. У тебя есть я, и больше ты ни о

ком не думай.

– Никого между нами не было! – я повернулся к Марине и поцеловал ее соленые от слез губы.

Будильник на полке показывал десять вечера. Я недвижимо простоял у окна три часа. Все это время моя душа металась по планете Земля, но так и не нашла, с кем бы посоветоваться и получить ответы на мучившие меня вопросы. Наталья была далеко, Марина – рядом. Я перешагнул через себя и остался с ней.

Наступил новый, 1984 год. По настоянию Марины мы встречали его у моих родителей. Отец с матерью были очарованы моей избранницей. Особенно понравилось моей мамушке стремление Марины поступить в институт и получить высшее образование. Согласно теориям моей мамы, у мужа и жены должно быть одинаковое образование. Она искренне считала, что если у меня диплом юриста, то с пэтэушницей я никогда не создам нормальной семьи. «Вам будет не о чем разговаривать», – убеждала меня мать. Я всегда относился к ее ретроградским теориям скептически, но какое-то рациональное зерно в них было.

Хотя если брать в пример Верх-Иланск, то высшее образование у женщины там ценилось гораздо ниже, чем умение делать вкусные заготовки на зиму. Что говорить, прав Карл Маркс: «Бытие определяет сознание». Зачем доярке диплом гуманитария? Рассказывать коровам, почему в произведениях Алексея Толстого нецензурные слова пишутся с точками

посередине, а у Маяковского – без всяких точек?

«Ели ты женишься на Марине, то сделаешь правильный выбор!» – внушала мне мать.

«Женюсь, когда с жильем определимся», – отвечал я.

В марте к нам в гости, буквально на полчаса, приехала Наталья. После расставания в больнице я видел ее в первый раз. Наташка вела себя так, словно между мной и ею никогда ничего не было. Мои худшие опасения сбылись – она стала равнодушна ко мне.

– Желаю вам долгой счастливой жизни! – прощаясь, сказала Наташа.

– Спасибо! – я по-родственному чмокнул ее в щечку.

Марина поморщилась. Видать, кое-что про Верх-Иланск она все-таки знала, а если не знала, то догадывалась, а если не догадывалась, то могла догадываться. Словом, Наташа была холодна ко мне, а Марина не очень-то обрадовалась визиту сестры.

Наверное, пожелания Натальи не были искренними. «Счастливо жить» с Мариной у меня не получилось. Наши разногласия начались едва ли не с первых дней совместной жизни.

В январе 1984 года от Кировского райисполкома мне выделили ордерную комнату гостиничного типа в общежитии на улице Металлистов. Комнатушка была крохотная – 12 квадратных метров, но как жилье, вполне пригодная: окно выходило на солнечную сторону, в санузле белел фарфором

унитаз, в сидячую ванну можно было напустить горячей воды и блаженствовать, распаривая больные ребра.

Марина, осмотрев комнату, жить в ней категорически отказалась.

– Андрей, мне из Кировского района до работы добираться часа полтора, не меньше. В смену я больше не работаю, только в день. Во сколько я должна вставать, чтобы успеть на завод к девяти часам?

– В Кировском тоже есть хлебозавод, отчего бы тебе не перевестись туда? – возразил я.

– Никуда я переводиться не буду. Здесь я в смену пойду работать, а на своем хлебозаводе я через год-два стану главным технологом. Зачем мне идти на понижение?

– Что ты предлагаешь? – помрачнел я.

– Давай обменяем эту комнату на другую, в Заводском или Центральном районе.

– Марина! – я еле сдержался, чтобы не нагрубить ей. – Ты прекрасно знаешь, что Кировский район – это гетто, никто сюда меняться не станет. Кировский район – самый непрестижный в городе, мы даже с доплатой отсюда не выберемся.

– Тогда давай дождемся, когда мне дадут гостинку, и две КГТ обменяем на однокомнатную квартиру, где-нибудь поближе к заводу.

– Здорово! Если тебе добираться до работы полтора часа, то это катастрофа, а если мне – то в самый раз. Марина, ты отработала день и пошла домой, а я в любой день могу на

работе допоздна задержаться. Ты обо мне нисколько не думаешь?

– Ты мужчина, ты все выдержишь, – она прильнула ко мне, ласково замурлыкала, и я уступил.

Временно мы пустили в мою КГТ квартирантов, а сами стали снимать квартиру в Центральном районе. Летом Марина получила обещанную ордерную гостинку, и мы стали прорабатывать варианты обмена, но, как я и ожидал, переехать в Кировский район желающих не было. Я бы сам туда по доброй воле ни за что не поехал, но меня никто не спрашивал, что я хочу, а чего нет.

Как-то, проштудировав газету с объявлениями об обмене жилплощади, я подумал:

«А не пора ли нам разбежаться: Марина – в свою комнату, а я – в свою? Общую квартиру мы никогда не выменяем. Если кто и предлагает обмен, то с солидной доплатой. О, доплата! Это вариант, это страховка».

Под предлогом накопления денег на доплату при обмене я стал с полочки по десятке оставлять себе. Марина не возражала, да и как ей возражать, если о своей зарплате она вообще передо мной не отчитывалась?

Дальше – больше, но пока все так, по мелочи. К примеру, пошли мы с Мариной в кино. Ей захотелось посмотреть нашумевший фильм «Вокзал для двоих». Вышли мы из кинотеатра, Марина спрашивает:

– Как тебе фильм?

– Полная чепуха! Посуди сама, мужика осуждают за дорожное происшествие. Статья у него легкая, предусматривает отбытие наказания в колонии-поселении. Скажи мне, что он в зоне за колючей проволокой делает? За что ему режим наказания изменили? Он, по фильму, положительный мужик, не «баклан» и не фраер, так за что же его в колонию упекли?

– Андрей, ты ничего не понимаешь! – возмутилась Марина.

– Это я-то не понимаю? Марина, режиссер фильма вешает зрителю лапшу на уши, а я должен ему верить? С маленькой лжи начинается большое недоверие. Скажи мне, этот же режиссер снял «Иронию судьбы»? Вот где полный бред! Никогда не мог понять этот фильм. Предположим, все вокруг дураки, один Женя Лукашин умный. Он, напившись до бесчувствия, каким-то таинственным образом проникает в самолет. Да кто бы его туда пьяного пустил? Как бы он регистрацию на рейс прошел? Но это так, придирки. Теперь суть – Лукашин перед отлетом пьет смесь водки с пивом. Он «ерш» пьет. Все, дальше фильм снимать не надо. Любой, кто хоть раз в жизни попробовал «ерша», знает, что после такого пошла Лукашин спал бы всю новогоднюю ночь мертвецким сном, а не скакал по незнакомой квартире в поисках счастья. Представь нормального человека в состоянии тяжелого похмелья. Он что будет делать? Перезрелой Барбаре Брыльске в любви признаться? Да ничего подобного! Он либо

блевать всю ночь будет, либо похмелится и дальше спать ляжет. Теперь о хозяйке квартиры. Она входит и видит в своей кровати незнакомого мужика. Зачем ей из чайника его поливать? А если это вор, он проснется и зарежет ее? Барбара Брыльска должна была позвать соседей на помощь, скрутить Лукашина и сдать его в милицию. Ты бы как поступила? Тот-то! Не пойду больше на советские фильмы, в них одно вранье. На той неделе Бельмондо покажут. На него лучше сходим.

Или вот еще. Наводя уборку в квартире, Марина нашла ложку, подаренную мне стариком Кусакиным, автором учения о роли синусоиды в жизни человека.

– Зачем ты хранишь всякий хлам? Давай выбросим эту уродливую ложку.

– Марина! – взорвался я. – Даже не смей об этом говорить! Эту ложку я держал в руках, когда душа старика Кусакина устремилась к звездам. Если бы не эта ложка, то я и твой отец до конца бы не поняли друг друга и сейчас я бы не сидел с тобой, а лежал бы на Верх-Иланском кладбище под двухметровым слоем земли.

Но все наши разногласия по фильмам, книгам и оценке людей были больше эмоциональными, чем существенными. В конце концов, с годами супруги притираются друг к другу, у них вырабатывается единое мировоззрение, они одинаково начинают воспринимать происходящие вокруг них события. Но бывает так, что один из супругов совершает поступок, от

которого по льду семейной жизни пробегают глубокие трещины, над которыми ни время, ни обстоятельства не властны – эти трещины не срастутся и не зарубцуются. Ледоход неизбежен.

В наших отношениях лед треснул под тяжестью простой меховой шапки.

Еще лет пять назад мой несостоявшийся тесть Михаил Ильич сдал на мясо бычка и купил дочерям по паре финских сапог и по норковой шапке-формовке производства барнаульской меховой фабрики «Сибирячка». По меркам конца 1970-х годов эта шапка выглядела вполне прилично: у нее был каракулевый верх, а козырек, наушники и затыльник изготовлены из меха норки. Марина пару раз заикалась, что неплохо бы ей обновить гардероб и купить на зиму новый головной убор, но я сумел отбить ее поползновения на семейный бюджет.

– Марина, какая шапка, о чем ты говоришь? Нам сейчас на доплату понадобится уйма денег, взять их негде, нам даже сотни никто не даст взаймы. У нас всех поступлений – это две наши зарплаты, и давай исходить из них. Квартира, как я считаю, важнее, чем новые вещи.

– Что же теперь, мне голой ходить? – возразила она.

– Почему же голой? Тебе этой шапки еще на пару лет хватит, а там обживемся и новую купим.

Марина вытащила из шкафа свою старую формовку и показала ее затыльник, вышарканный до засаленной кожи.

– Что ты мне тычешь этой лысиной? – скривился я. – У тебя на пальто приличный воротник, из-под него ничего не видно. Марина, я в кроличьей шапке хожу, и ничего, а мне бы по статусу тоже одежду попримечнее надо. Я хоть мелкий, но начальник.

– Ты начальник над мужиками, вам все равно, в чем ходить, а я в женском коллективе работаю. У нас если у кого затяжка на колготках появится, то это на полдня обсуждений. А уж потертая шапка! Да меня все засмеют, скажут: «Ты где такое старье нашла, от бабушки досталось?»

– До переезда никаких обновок! – отрезал я. – Иначе мы будем еще неизвестно сколько болтаться между небом и землей. И потом, когда мы в новую квартиру въедем, чем ты ее обставлять будешь?

Она, вздохнув, согласилась.

Здесь надо заметить, что, живя на съемной квартире, мы не покупали ни мебели, ни бытовой техники. Обстановка на кухне, шкафы и кровать принадлежали хозяевам квартиры. Телевизор и холодильник мы взяли напрокат. Случись нам завтра переезжать, спать в новой квартире пришлось бы на полу, так как у нас даже своей раскладушки не было.

В середине октября выпал первый снег, и уже через неделю установились морозы. Моя прошлогодняя шапка за лето усохла, мех на ней скомкался и поблек. Пришлось покупать новую. Через начальника БХСС нашего райотдела я достал кроличью ушанку за пятнадцать рублей и был вполне ею до-

волен: новый кроличий мех выглядит не хуже, чем потасканная норка.

Марина, осмотрев обновку, пробурчала что-то типа «только о себе думаешь!» и на этом успокоилась. Сама она стала ходить в старой шапке, но каждый раз, надевая ее, горестно вздыхала: «Господи, на кого я похожа, на кикимору какую-то!» Я не обращал внимания на ее нытье, и, как оказалось, зря.

Перед 7 Ноября Марина вернулась с работы с бумажным свертком. Мило улыбаясь, она развернула его, и я ахнул: в пакете была лисья шапка, точно такая же, как на Барбаре Брыльске в день ее первого свидания с алкашом Лукашиным.

– Полюбуйся, что я достала! – похвалилась Марина. – Все-го десятку переплатила от госцены.

– Сколько такой малахай стоит? – осторожно спросил я. – Двести шестьдесят рублей?! Марина, ты с ума сошла? Это же на десятку больше, чем моя зарплата!

– Я не виновата, что вам в милиции так мало платят. – Сияя от счастья, она надела обновку и стала крутиться у зеркала. – Классно! Как раз по мне.

– Марина, мы вроде договаривались с новой шапкой подождать...

– Ничего мы не договаривались! – раздраженно отрезала она. – Андрей, этой шапкой мы убьем двух зайцев: я буду ходить в новой, а ты станешь носить мою старую. Сам же

говоришь, что она вполне еще ничего.

Мои чувства в этот миг не передать словами. Первым желанием было вклеить ей пощечину, чтобы не врала и не хамила, но я сдержался. Горячность в семейных отношениях до добра не доводит. С другой стороны, за кого она меня принимает? Она что, думает, я поверю в спонтанность покупки? Откуда у нее с собой деньги взялись? Пошла Марина на работу и просто так, на всякий случай, взяла с собой половину отложенных на доплату денег? Так, что ли? Уходя из дома, она мне ничего о предстоящей покупке не говорила и со мной не советовалась. И потом, что еще за хамство: «Ты в моей старой шапкеходишь!»? С какой это радости я должен ее обноски донашивать? Она будет в роскоши утопать, а я в старье ходить?

– Марина, почему ты мне не сказала, что присмотрела новую шапку? – стараясь сохранять спокойствие, спросил я.

– Я не знала, что ее куплю, – нагло соврала она.

Я, чтобы унять бушевавший внутри меня гнев, уткнулся в телевизор. Кажется, шла какая-то юмористическая передача, но я не осознавал ничего из происходящего на экране.

«С бухты-барухты такие приобретения не делают, – размышлял я. – Марина договорилась о покупке не вчера и не сегодня. Я даже представляю, как это было: кто-то из ее знакомых наткнулся на распродажу и купил этот малахай, не задумываясь о его размере. Дома выяснилось, что шапка мала или велика, и ее решили продать с наценкой рублей в де-

сять-пятнадцать. Наверняка Марина несколько раз мерила эту лису, приценивалась и решилась».

– Скажи, я в этой шапке представительно выгляжу? Я в ней похожа на будущего главного технолога? – Марина, ослепленная покупкой, не поняла, что лед между нами треснул и в образовавшийся проем уже проступила темная холодная вода.

– Хорошая шапка, носи ее на здоровье.

– Померяй мою старую ушанку, она должна быть тебе в самый раз.

– Ни за что! Оставь ее себе, на субботники ходить.

– Как хочешь, – равнодушно ответила Марина и занялась домашними делами.

Я сидел перед телевизором и чувствовал себя человеком, которого ближайшие родственники обманом обокрали и выставили за дверь.

«Сегодня она шапку без моего ведома купила, завтра сапоги захочет. Какой, к черту, обмен, нам разбежаться надо, пока она не начала врать по-настоящему. Это же надо додуматься – предложить за ней вещи донашивать! С детства, наверное, привыкла все старье Наташке спихивать».

Прошло время, и наша жизнь вошла в прежнее русло, но это была только видимость прежних отношений. Ни вранья, ни хамства я Марине не простил.

Прошел ноябрь, пролетел, как один день, декабрь. Наступил новый, 1985 год. Марина предложила встречать его у мо-

их родителей, но я наотрез отказался. Мне не хотелось выслушивать нудные разговоры за столом, а на кухне отвечать на заданные шепотом вопросы: «Марина не беременная? Вы когда распишетесь?»

Главный праздник в году мы решили отмечать у себя дома. Компанию нам составили две семейные пары и Наталья, которая к тому времени перебралась из Верх-Иланска в город.

Наступающий 1985 год запомнился мне каким-то повсеместным безудержным весельем и ликованием: «Перемены! В стране грядут грандиозные перемены!» Казалось, внешне ничего не изменилось: страной правил верный ленинец Константин Устинович Черненко, устои социализма были незыблемы, граница СССР на замке, но что-то было уже не так, что-то сдвинулось с места, повеял ветер перемен.

Так бывает суровой зимой: внезапно наступает кратковременная оттепель, и к вечеру по улицам и дворам проносится мягкий, теплый, пропитанный влагой ветерок. Его ласковое касание дурманит головы и заставляет чаще биться сердца: «Весна, весна не за горами! Пригреет солнце, сойдут снега, и наступит время всеобщего счастья и благоденствия». Не знаю почему, но лично для меня теплый зимний ветерок ассоциировался с любовью и успехом.

В наступающем году ни яркой любви, ни грандиозных успехов по службе я не ожидал, а вот в жизни страны замаячили перемены. Вид полуживого Черненко ни у кого не

оставлял сомнений – скоро и этого повезут на оружейном лафете к Кремлевской стене. А кто придет на его место? Вдруг фортуна улыбнется советскому народу и правителем станет молодой и прогрессивный деятель, который изменит жизнь к лучшему? Надоели эти шамкающие старики, бубнящие с телевизоров одно и то же: «Жить стало лучше, жить стало веселей!» Кому жить лучше стало, вам, что ли? У нас как не было ни качественной еды, ни модной одежды, так и нет. Как ждали годами получение квартиры, так и ждем. Даешь молодого царя! Свободу советской молодежи! Откроем настежь окна и врубим на всю мощь «Назарет» и «Юрай Хип», пускай седые ретрограды заткнут уши и поймут: их время ушло.

Но все это только предчувствия. Это еще даже не оттепель, а всего лишь потепление: было минус сорок, а стало минус тридцать пять – шапки, валенки, тулупы, но жить-то хоть чуть-чуть, но уже интереснее.

В новогоднюю полночь мы с гостями под бой курантов чокнулись шампанским, пожелали друг другу всего наилучшего, отведали марокканских мандаринов и взялись за водку. Через пару часов я, устав от болтовни Маринкиных знакомых, пошел покурить на кухню. Наталья – следом. Свет мы не включали.

– Что-то ты не весел, Андрюша, – сказала она. – Проблемы на работе или устал от семейной жизни? Ты сам знал, на что идешь. Не мог подождать?

– Так получилось, – бесцветно ответил я.

– Скажи... – Наталья шагнула ко мне, и я почувствовал, как сердце встрепенулось в груди, и свежая, дающая жизненные силы кровь понеслась по венам и артериям с новой силой. – Скажи мне, Андрюша, если бы я тебя сейчас позвала, ты бы ушел со мной? – прошептала она.

– Да, – так же шепотом ответил я. – Если позовешь – я твой. Ни минуты лишней здесь не останусь.

– Я не позову, Андрюша. Не хочу сестре дорогу переходить.

– А как же Верх-Иланск? Ты не забыла, как нам на мой день рождения «горько» кричали?

– В Верх-Иланске не считается. Забудь обо всем, что там было.

– До гробовой доски буду помнить каждый миг с тобой. – Я притянул Наталью к себе и стал жадно, запоем, целовать. В темноте, на фоне окна, наши слившиеся силуэты были хорошо видны, но мне было все равно. Пока мы наслаждались друг другом, на кухню кто-то пытался войти, но, увидев интимную сцену, повернул назад.

Идиллию нарушила Марина, включившая в коридоре свет. Дальнейшее празднование Нового года проходило под ее неусыпным контролем. Под утро гости разошлись, и мы легли спать. Мне Марина постелила на полу, а сестру, во избежание эксцессов, уложила рядом с собой на кровать. Когда я проснулся, Натальи уже не было.

– Ты все хорошо помнишь, что вчера вытворял? – хмуро спросила Марина.

– Смутно, – смалодушничал я.

А надо было бы сказать: «Послушай, Марина, я ведь не дурак и не дебил. У меня все в порядке со слухом. Тогда, на картофельном поле, ты что имела в виду, когда сказала матери: «Сама подумай, если она согласна, то что?» Ты ведь предложила Наташке со мной встречаться, так ведь? По твоему плану я должен был всю зиму с младшей сестренкой милиться, а по весне опять к тебе вернуться? А ты не подумала, что мне с Наташкой будет лучше, чем с тобой? Марина, как ты вообще представляла окончание этой увлекательной истории? Ты увозишь меня в город, а Наталья остается в поселке, довольная, что у нее всю зиму был хороший любовник? Это же бред, Марина. Это бред не потому, что вы сестры, а потому, что ты меня за недоумка считаешь: то сестру подсовываешь, то старую шапку. Я уже взрослый мальчик и сам могу понять, с кем мне спать и что носить».

– Ты точно ничего не помнишь? – повторила Марина прокурорским тоном.

– Нет, а что-то случилось? Я нахамил кому-то из гостей?

– Будем считать, что не успел.

На этом новогодние разборки закончились.

В конце января начальник РОВД отчитывался в областном управлении о результатах оперативно-служебной деятельности за год. Вернувшись, он собрал у себя в кабинете

весь руководящий состав: «Коллеги, наша работа признана удовлетворительной. За успешное окончание года я предлагаю выпить по рюмашке!» Выпили. В итоге я так наотмечался, что приполз домой еле живой. Марина не стала скандалить и уложила меня спать. Проснулся я в полной темноте. На полке тикал будильник, за окном потрескивали от мороза деревья. Рядом со мной, закутавшись в одеяло, мирно посапывала Марина.

«Я не любил ее и не буду любить никогда, – отчетливо и трезво понял я. – Чем раньше мы расстанемся, тем будет лучше для нас обоих».

Я встал, пошел на кухню, не включая свет, закурил. За окном в космической дали сверкали звезды. Где-то там, среди них, неслась к своей цели душа старика Кусакина. Туда же со временем, в великое бесконечное путешествие, отправится и моя душа.

«Жизнь коротка, чтобы ставить самому над собой эксперименты. Гордиев узел можно было разрубить в новогоднюю ночь, но я спасовал. И зря. Ничего хорошего нас с Мариной уже не ждет, дальше будет только хуже».

Я открыл форточку, вдохнул колючего морозного воздуха.

«На улице минус сорок, не меньше. Да и черт с ним! Жить без любви, непонятно во имя чего – это же условность, самая обыденная и пошлая из всех условностей. Я – враг условностей, а значит, я должен действовать. Нельзя откладывать

расставание в долгий ящик. Нельзя дожидаться той поры, когда мы возненавидим друг друга. Лучше расстаться сейчас, когда у нас ни детей, ни совместного имущества. Я оставлю все нажитое Марине и пойду навстречу новому изгибу синусоиды. Стоять на месте – это падать в пропасть. Синусоида слабохарактерных не прощает. Пора!»

Я подошел к кровати, встал на колени, нежно поцеловал Марину в щеку. Она улыбнулась во сне. Я почувствовал себя последней сволочью, но отступать было некуда.

– Марина, – прошептал я, – Марина, я ухожу.

– Куда? – не открывая глаз, спросила она. – Ночь на дворе, куда ты собрался?

– Марина, я ухожу навсегда.

Она, не вставая с кровати, потянулась, сладко зевнула.

– До утра подождать не можешь?

– Марина, если ты не поняла, я повторяю: я ухожу от тебя и больше никогда не вернусь. Мы никогда больше не будем вместе. Все. Сегодня был последний день, когда мы спали в одной постели. Дальше я пойду своей дорогой, а ты иди своей.

– Андрей, посмотри на меня. Ты еще не протрезвел? – Она села на кровати, ладошкой стерла с лица остатки сна. – Завтра не скажешь, что ты ничего из сегодняшней ночи не помнишь?

– Марина, я трезв, как никогда. Будет время, собери мои вещи, я на выходных заеду за ними.

– Если ты это все серьезно говоришь, то иди, я тебя держать не буду.

Я включил свет, собрался, подошел к двери.

– Извини, Марина, что так получилось. Поверь, мне мерзко на душе, паскудно, но я ничего не могу поделать. Нам надо расстаться.

Я замолчал, не зная, что дальше говорить. Мне хотелось объяснить ей, что трещины на льду никогда не срастутся, но нужные слова не приходили на ум.

– Андрей, ты когда-нибудь любил меня? – серьезно спросила Марина.

– Наверное, нет, – ответил я после небольшой паузы.

– Тогда иди. Попробуй с Наташкой, она примет тебя.

Я, не разуваясь, вернулся к кровати, чмокнул Марину в губы и ушел в звенящую от мороза стужу.

Как говорится, удивительное – рядом! Не прошло и нескольких месяцев, как мое место у Марины занял другой мужчина. Спрашивается: она тоже готовилась к нашему расставанию и заранее присмотрела себе «запасной аэродром»? Вернее, не так. «Запасной аэро-дром» – это женщина, так что Марина присмотрела себе «запасной истребитель». Получается, что не успели мои шасси оторваться от ее взлетной полосы, как на посадку уже зашел другой самолет. Вот как бывает. Век живи – век учись и никому не доверяй! Пока не встретишь того человека, которому сам захочешь купить новую шапку, – в дерюге будешь ходить, в рванье, но для лю-

бимой последний рубль не пожалеешь.

Глава 4. Старик Кусакин и его учение

Во время войны Михаил Антонов, отец Натальи и Марины, попал в плен. После освобождения он был осужден на десять лет как изменник Родины. В пятидесятых годах Михаил Ильич отбывал наказание в лесоповальной зоне в Красноярском крае. С 1950 по 1955 год в этом же лагере находился Сергей Архипович Кусакин, осужденный по политической статье.

Осенью 1983 года, почувствовав приближение смерти, Кусакин попросил меня передать Антонову дневник, который он вел во время заключения. В момент передачи дневника смертельно больной Кусакин умер у меня на руках. На память о нашем кратком знакомстве у меня осталась самодельная алюминиевая ложка, которую Кусакин собственноручно изготовил в лагере.

Дневник Сергея Кусакина был разделен на две части. Первая – это заметки автора о жизни в лесоповальной зоне. Вторая часть – обрывки из философских воззрений автора. Отношение Кусакина к природе человеческого бытия и мое личное отношение к жизни полностью совпадали. На базе философских заметок бывшего зэка я разработал учение о Синусоиде, авторство которого приписал великому и муд-

рому Сергею Кусакину. Со временем я стал забывать, что в учении о Синусоиде я почерпнул у Кусакина, а что дополнил сам. Жизнь человека динамична, и мне пришлось вносить в учение многочисленные вставки, отвечающие потребностям дня.

Учение старика Кусакина в моей редакции состояло из двух частей: «Синусоидальность развития жизни» и «Путь бессмертной души человека».

О том, что наша жизнь состоит из бесконечной череды взлетов и падений, знает каждый. Образно говоря, жизнь человека контрастна, как матросская тельняшка, – полоска белая, полоска черная. Мудрость старика Кусакина заключается в том, что он смог описать синусоидальный переход от взлета к падению и дать рецепт, как пережить падение и не возгордиться на вершине успеха и славы.

В своем учении старик Кусакин делал упор на волю человека, на его обязанность перед самим собой бороться с любыми напастями и невзгодами. «Как бы низко ты ни упал, – писал старик Кусакин, – у тебя всегда есть шанс переменить жизнь к лучшему и заставить синусоиду пойти вверх практически вертикально. Никто за тебя жизненные трудности не преодолеет, никто не пройдет за тебя тернистый путь испытаний и страстей». Пребывающему на вершине синусоиды Кусакин советовал готовиться к падению: «Будь готов к тому, что в любой момент весь мир ополчится против тебя. Помни, ты в силах замедлить падение синусоиды, сделать

путь вниз более пологим и безболезненным».

Кроме внешней синусоиды, или синусоидального развития жизни человека, в учении старика Кусакина много говорилось о внутренней синусоиде, или личном отношении индивидуума к взлетам и падениям. Все невзгоды Кусакин советовал воспринимать как временное испытание, из которого необходимо извлечь урок на будущее.

Скажем, порезав палец, не стоит искать в этом событии позитив: «Ура! Наконец-то из меня вытечет лишняя кровь!» Кровь никогда лишней не бывает. Из пореза пальца надо извлечь урок и в другой раз быть более осторожным с ножом.

Более сложный, социальный пример. Некто признается жене, что изменил ей. Взбешенная супруга расцарапывает изменнику лицо и выгоняет его вон. Урок, который должен извлечь некто, состоит не в том, чтобы в следующем браке молчать об изменах, а в умении обратить предстоящее падение в пологий изгиб. Супругу надо подготовить к известию о прелюбодеянии и сказать примерно так: «Моя похоть сильнее меня. Сегодня ночью я останусь у Маруси, но ты, дорогая, не волнуйся, Маруся женщина порядочная, никакой заразы от нее я в дом не принесу». Скандал после такого заявления неизбежен, зато, когда правда о супружеской измене вылезет наружу, жена отнесется к ней с олимпийским спокойствием.

Вторая часть учения старика Кусакина была посвящена взаимосвязи движения внутренней синусоиды человека и

пути, по которому будет двигаться душа человека после его смерти.

Душа человека нематериальна и бессмертна. После смерти она покидает мертвую оболочку и становится временно свободной. Дальнейший ее путь достоверно неизвестен, но все мировые религии утверждают, что душа человека попадет или в рай, или в ад. В христианской религии ад описан подробно, со знанием дела, а что ждет душу человека в раю – неизвестно.

Старик Кусакин считал, что после смерти человека его душа будет двигаться или вверх, к звездам, или вниз, в вечный мрак и небытие. Путь вверх или вниз зависит от изгиба внутренней синусоиды в момент смерти человека. Если индивидум умер в момент падения, то есть пребывал в состоянии уныния и душевного бездействия, то его душа устремится вниз, в царство вечного мрака и пустоты. Достигнув нижней точки пустоты, душа навсегда исчезнет.

С движением наверх интереснее. Отделившись от тела человека на подъеме синусоиды, душа отправляется в вечное путешествие к звездам, к другим мирам. В этом бесконечном путешествии нет строго предписанного маршрута и временных рамок. Скажем, муж умер в расцвете лет. Никто не мешает его душе проболтаться в районе Сатурна лет сорок, подождать душу жены и только потом, вместе, полететь к загадочному Сириусу или таинственному Ориону.

Изгиб внутренней синусоиды человека и внешняя жизнь

человека могут не совпадать. Например, большой начальник, очень успешный и состоятельный человек, узнает от друзей, что его жена кокетничала с соседом. Начальник в отчаянье хватается за сердце и умирает. Внутренняя синусоида его обрывается в момент падения. Душа начальника летит в пустоту. Но перед самой смертью, когда наступает последний миг земного существования, у начальника все еще остается шанс заставить синусоиду пойти вверх. Надо просто восхититься своей женой: «Обалдеть! Ей пятьдесят лет, а как улыбнется – ни одного мужика равнодушным не оставит».

Или еще пример. Нищий, всеми презираемый бродяга собирал пустых бутылок, сдал их, купил дешевого вермута, выпил с друзьями и умер, улыбаясь удачно прожитому дню. Без сомнения, душа его устремится к звездам, а старая изношенная оболочка останется валяться в грязной удушливой теплотрассе.

Сформулировав для себя основные положения учения о Синусоиде, я стал охотно рассказывать о них всем желающим. Как зримое свидетельство моего знакомства со стариком Кусакиным, я демонстрировал изготовленную им на лесоповале ложку. Корявая, выплавленная из алюминиевой проволоки ложка имела силу бронебойного снаряда. Потрогав ее, любой скептик переставал сомневаться в моем личном знакомстве с величайшим философом современности – мудрым стариком Кусакиным.

Глава 5. Мой коллектив

Структура отдела уголовного розыска Кировского РОВД: начальник, два заместителя – я и Костя Лиходеевский, десять оперуполномоченных. За Костей и его операми закреплен центр района, за мной – окраины: частный сектор, два военных завода, полигон твердых бытовых отходов и прилегающий к нему поселок Нахаловка.

На военных заводах «Прогресс» и «Коммунар» выпускали порох и ракетное топливо. Информация об этой продукции была секретной, но все в районе знали, в каком цехе производят порох для снарядов, а в каком – для охотничьих патронов. Обслуживала территорию заводов ведомственная милиция.

Постоянной головной болью для милиции Кировского района была Нахаловка – самовольно построенный поселок с населением примерно в триста человек. На городских градостроительных картах поселок отсутствовал, то есть ни один дом в нем не имел почтового адреса. Жители Нахаловки были прописаны кто где, многие жили без документов.

Основным источником существования в поселке была работа на свалке: обработка строительного мусора и извлечение из него кирпичей, сбор пустых бутылок и металлолома, сортировка бытового мусора. Самые нищие семьи в Нахаловке одевались и кормились на свалке в прямом смысле

ле слова. Уровень преступности в поселке официально был ниже, чем в остальном городе – большинство совершенных в Нахаловке преступлений не регистрировались и сообщений о них в милицию не поступало. Фактически же Нахаловка была общегородским рассадником преступности, таким криминальным гетто, советским Чикаго тридцатых годов.

Став заместителем начальника уголовного розыска, я получил в свое подчинение четверых оперуполномоченных.

Первый – Горбунов Иван, тридцатилетний атлетически сложенный мужчина ростом под два метра. Срочную службу Иван проходил на Чукотке в радиотехнических войсках. Как-то по недосмотру начальства рядом с группой военнослужащих начала работать мощная радиолокационная станция. Двое попавших под ее излучение солдат умерли от малокровия, остальные получили такую дозу облучения, что остались инвалидами на всю жизнь. Горбунову повезло: от смертоносного луча его защитили тела сослуживцев. После обследования в госпитале Иван был переведен на новое место службы, о ЧП на Чукотке ему настоятельно порекомендовали забыть. Последствия электромагнитного излучения дали о себе знать уже после демобилизации – к двадцати пяти годам Горбунов Иван полностью облысел, а потенция у него стала «плавающей», она то появлялась, то исчезала надолго. В тот период, когда мужская сила возвращалась к Горбунову, он думал только о женщинах. Я с пониманием отнесся к этой его особенности и в период «брачного гона»

старался работой Ваню сильно не нагружать.

Второй мой подчиненный – Далайханов Айдар, двадцатисемилетний мужчина невысокого роста, среднего телосложения, близорукий, по характеру спокойный, выдержанный. Родился Далайханов в Казахстане в интернациональной семье: отец – казах, мать – немка. От редкого смешения кровей Айдар получил необычайную внешность: как любой азиат, он был кареглазым, черноволосым, смуглым, но с тонкими европейскими чертами лица. По паспорту Далайханов был русским, а внешне – непонятно кто. За своего земляка его принимали и дагестанцы, и турки-месхетинцы, и курды. Работавшие в нашем райотделе татары считали его азербайджанским евреем, а настоящие евреи имели на этот счет свое мнение. От отца-казаха Айдару передались сложные отношения со спиртным: если он выпивал хоть одну рюмку водки, то остановиться уже не мог и напивался до полной невменяемости. Зная за собой такую особенность, употреблял алкогольные напитки Далайханов крайне редко и только в кругу проверенных друзей.

Третий член нашего небольшого коллектива – Меркушин Леонид, мой ровесник. Русоволосый, кареглазый, всегда аккуратно подстриженный и добротнo, опрятно одетый. Внешне Меркушин был «человеком толпы» – заурядная серая личность с незапоминающимся лицом. По характеру он был инертным, как газ аргон: вдохнешь его – и не почувствуешь ни вкуса, ни запаха. В глазах Меркушина я никогда не видел

охотничьего азарта, без – которого невозможно представить настоящего сыщика. В работе он был похож на собаку-поводыря, сопровождающую слепого хозяина. Идет такая собака по городу и ни разу не ошибется маршрутом, на бродячую кошку не залает, любую ямку на дороге обойдет. Всем хороша собака-поводырь, но по природе своей она бездушна, с ней в веселые собачьи игры не поиграешь, она просто не поймет, зачем надо бежать за мячиком, когда за ним можно спокойно, неспешно перебирая лапами, дойти. Я относился к Меркушину по-товарищески ровно, никогда не позволял себе повысить на него голос. Последний штрих к портрету Леонида Меркушина – в декабре прошлого года он сочетался законным браком с Антоновой Натальей. Я был приглашен на их свадьбу, но прийти отказался.

Четвертым моим оперативником был Спортсмен. Я относился к нему как к человеческому браку, как к шестому пальцу на руке у одной моей знакомой. От Спортсмена мне не было никакого толка, а вот вред был – он занимал у меня штатную единицу, на его место я не мог принять другого человека. На работе Спортсмен появлялся очень редко. Все служебное время он тренировался в футбольной команде добровольного спортивного общества «Динамо». Преступников Спортсмен видел только в кино.

Без сомнения, играть в мячик во славу советского спорта – это великое дело, только зарплату за эти игрища надо получать не в милиции, а в другом месте. И офицерский ки-

тель по праздникам надевать не стоит. Незачем.

В Кировском районном отделе милиции я и мои опера занимали один просторный кабинет на третьем этаже. Мое рабочее место было у окна, стол Далайханова был напротив. У входной двери размещались Горбунов и Меркушин. Спортсмен отдельного рабочего места не имел.

Глава 6. Два задания

Утром в понедельник я выступил перед своими операми с краткой речью:

– Первого мая неизвестные лица подбросили нам на свалку труп своего товарища. О покойнике известно следующее: возраст – примерно двадцать лет; одет дорого, модно, в молодежном стиле; кожа тела чистая. Руки гладкие, без трудовых мозолей, под ногтями грязи нет. Я получил заключение судебно-медицинской экспертизы. Смерть незнакомца наступила от разрыва сосуда головного мозга. У этого парня была врожденная аневризма, ему категорически нельзя было употреблять спиртное. В день смерти он выпил спиртного грамм сто пятьдесят, кровеносный сосуд лопнул, произошло кровоизлияние в головной мозг, и наступила смерть.

– Он мгновенно умер или некоторое время мог двигаться? – уточнил Горбунов.

– После разрыва сосуда он прожил еще час-полтора, но самостоятельно передвигаться уже не мог. С момента смерти прошло четверо суток, но никто не заявил об исчезновении данного молодого человека. Сведем вместе все исходные данные, обратим особое внимание на чистые ухоженные руки, на модную одежду, на обстоятельства смерти – и... мы получим иногороднего студента. Сегодня первый рабочий день после праздников, сегодня его начнут искать.

– Андрей, – недовольно сказал Далайханов, – если это мирный труп, то на кой черт нам им заниматься? У меня три кражи нераскрытых, у Ивана – мордобой в общежитии, у Меркушина – хулиганство у магазина «Березка». Может, плюнем на покойничка, если он жрать не просит?

– Ни за что! – четко проговаривая каждое слово, ответил я. – Во-первых, мне не нравится, что кто-то привез труп к нам на свалку. Городская свалка – место общественное, но это не повод к нам со всего города мертвецов свозить. Во-вторых, что немаловажно: труп оставили на видном месте, а не скинули в отвал. Я лично расцениваю это как вызов нашему коллективу. И, в-третьих, покойник может оказаться сыном высокопоставленных родителей. Сейчас они чухнутся, что их сыночка нет, и начнут разборки: как он оказался за городом, почему его никто не искал? Мы должны сыграть на опережение и установить личность погибшего молодого человека и обстоятельства его смерти. Собутыльники покойника должны понести заслуженное наказание.

– Если это студенты, – задумчиво сказал Иван, – то их всех из института повыгоняют. Коллективная пьянка, то, се, как только шум поднимется, никого не пощадят.

– Задание всем понятно? – повысив голос, спросил я. – К вечеру вы должны установить всех участников попойки и привести их сюда. Казнить студентов или миловать, я решу на месте.

– Андрей, – вновь вступил в разговор Айдар, – нам офи-

циально действовать или по своим каналам?

– Работайте через деканаты. Начнем темнить, сами на неприятности напросимся.

Отправив оперов выполнять задание, я поехал в областное УВД на «секретное» совещание. У дверей в Большой зал УВД прохаживались приехавшие заранее милицейские начальники со всего города. Завидев меня, из толпы вышел Слава Сергиец, на днях назначенный начальником ОУР Заводского РОВД.

– Привет, бродяга! – Сергиец крепко пожал мне руку. – Растешь потихоньку? Не знаешь, на кой черт нас тут собрали?

– Понятия не имею. Мне велели приехать к десяти на совещание – я приехал. Как дела в отделе? Геннадия Александровича скоро коронуют?

– Хрен его знает, честно говоря. Сами не поймем, что вокруг него происходит. В третий раз на него представление в УВД уходит, и в третий раз не хотят нам Клементьева начальником РОВД ставить. Уже почти полгода, как мы без главного руля живем. А как у вас жизнь, ветры перестройки еще не дуют из всех щелей?

– Пока бог миловал. Слава, ты скажи мне вот что. У меня есть прикомандированный спортсмен. От него никак нельзя избавиться?

– Никак. Спортсмен – лицо неприкосновенное.

– Проходим все в зал! – раздался от дверей голос референ-

та начальника УВД. – Не забываем зарегистрироваться у секретаря совещания. Напоминаю: пользоваться письменными принадлежностями во время совещания категорически запрещено. На слух все запоминайте.

Совещание открыл заместитель начальника областного УВД полковник Волобуев.

– Запоминайте диспозицию! – с ходу, без вступления начал он. – По маршруту Алма-Ата – Томск движется пассажирский состав. Три последних вагона в этом поезде занимают цыгане-люли. По имеющейся у нас информации, цыгане купили билеты до Томска, но выйти захотят у нас в городе. Ваша задача – в среду, седьмого мая, заблокировать железнодорожный вокзал и не допустить высадки цыган у нас в области. Что хотите делайте, лбы расшибите, но никаких люли чтобы я в городе не видел!

В наступившей тишине Волобуев грозно осмотрел зал и, не попрощавшись, вышел. Место за трибуной занял незнакомый штабной офицер. На вид ему было около сорока лет. Лицо худое, изможденное, бледное – ни дать ни взять граф Монте-Кристо, устроившийся на работу в милицию.

– Товарищи! – обратился он к собравшимся. – Микрофон у нас работает еле-еле, так что я призываю вас к тишине и порядку. Если кто-то будет мешать мне вести совещание, то я удалю его из зала. Секретарь совещания, доложите о явке личного состава.

Пока секретарь что-то вполголоса докладывал «графу»,

ко мне склонился Костя Лиходеевский.

– Его фамилия – Комаров, – сказал он, кивая на трибуну. – Поговаривают, что не сегодня завтра начальником штаба станет.

– Не комсомолец?

– Да нет, наш он, мент. В Центральном раньше работал.

– Заткнитесь оба! – зашипел на нас начальник РОВД. – Если мне Комаров сейчас замечание сделает, я вас в отделе в порошок сотру!

Будущий начальник штаба, закончив с формальностями, еще раз призвал всех к порядку и продолжил:

– Небольшая справка. Люли – это цыгане-кочевники из Средней Азии. Люли делятся на несколько племен. Каждое племя состоит из родов, а роды из семейств. По оперативным данным, к нам едет род Ас-маагут, из племен так называемых «северных» люли. Сколько цыган намеревается проехать через нашу область, мы точно не знаем, но примерно можем посчитать. Цыгане занимают три плацкартных вагона по пятьдесят четыре лежачих места – это минимум сто шестьдесят два взрослых человека. Умножим это число на три, и мы получим примерное количество взрослых и подростков в племени. Сразу же оговорюсь: по количеству проданных билетов число цыган в вагоне вычислить невозможно. По опыту коллег из транспортной милиции могу сказать, что как только цыгане заполняют вагон, проводники закрываются у себя в купе и не выходят до самого конца поездки.

Цыгане-люли – исключительно мобильная нация. Скарба с собой они возят минимум. Если барон племени решит выйти у нас в городе, то на высадку из вагонов у них уйдут считанные минуты. Опять-таки, из опыта транспортников, могу сказать, как происходит высадка люли в новом месте. Первыми из вагонов выпрыгивают молоденькие девушки с орущими младенцами на руках. За ними старухи с тюками, следом – все остальные женщины с поклажей и детьми. Мужчины идут налегке, вещей они не носят. Барон племени, с сопровождающими родственниками-мужчинами, выходит в числе последних. Запоминайте, коллеги: если цыгане начнут высадку, то вы их уже не остановите. Все видели, как десантники покидают самолет? Тут будет то же самое: прыгнул человек из вагона – обратно его уже не загонишь. Как только первая цыганка с младенцем ступит на перрон, так оглянуться не успеете, как все племя расползется по вокзалу.

Для предотвращения появления на нашей территории цыган-люли мы приняли следующее решение: всеми силами областной и городской милиции блокировать вокзал, перрон и все подъездные пути. Во время стоянки поезда Алма-Ата – Томск никого из пассажиров азиатской внешности из вагонов не выпускать. Из трех последних вагонов не выпускать вообще никого. Запомните, если какой-то случайный пассажир по нашей вине проедет свою станцию – это не беда, отпишемся, в крайнем случае компенсируем понесенные убытки.

Я посмотрел на гипсовый профиль Ленина над головой докладчика.

«Если это перестройка, то жизнь становится интереснее, – подумал я. – Забавно получается, на семидесятом году торжества идей Октября части советских граждан запрещено свободно перемещаться по территории СССР. Или мы с началом перестройки перестали считать люли своими соотечественниками? А как же ленинские идеи о всеобщем равенстве и братстве народов?»

– Товарищи, сейчас с дополнительной информацией перед нами выступит представитель КГБ. Прошу вас, Александр Евгеньевич.

Место за трибуной занял одетый в штатское незнакомый мужчина.

– Товарищи, – обратился он к залу хриплым прокуреным голосом, – империалистические державы, не сумев победить нас в открытом противостоянии, пошли другим путем. Сейчас все свое внимание западные спецслужбы переключили на межнациональные отношения в СССР. Цель их происков – посеять зерна межнациональной вражды и недоверия между народами Советского Союза и расколоть наше некогда монолитное общество. Особенно успешно заокеанские разведки действуют в республиках советской Прибалтики. Не буду скрывать: в Эстонии, Латвии и Литве бациллой национализма уже заражена часть студенчества и интеллигенции. По указке своих американских хозяев они в лю-

бой момент готовы выступить в роли пятой колонны. Но сейчас не то время, чтобы мы допустили образование на своей территории бандитских формирований наподобие «Лесных братьев». Любой вооруженный мятеж тут же будет подавлен всеми силами Советской армии и Внутренних войск. Опасаясь быть уничтоженными в открытом столкновении, прибалтийские националисты стали активно разрабатывать нишу идеологической войны против СССР. Методика действий наших внутренних врагов такова: под видом изучения внутренней жизни в Советском Союзе корреспонденты прибалтийских газет, журналов, радио и телевидения разъезжают по нашей стране и собирают всю негативную информацию, о которой только могут узнать. Весь собранный негатив тут же передается в западные средства массовой информации, которые на его базе стряпают гнусные пасквилы, не имеющие ничего общего с советской действительностью.

Контрразведчик сделал глоток воды из стакана, ладошкой смахнул каплю с губ и продолжил:

– В железнодорожном составе, в котором через нашу область едут цыгане-люли, их тайно сопровождает корреспондент молодежной редакции литовского телевидения. Если мы допустим высадку люли у нас в городе, этот литовский хлыщ нас такой грязью обольет, что вовек не отмоемся.

После этих слов в зале установилась гробовая тишина. Каждый из милицейских руководителей стал прикидывать, что делать, если прибалтийский корреспондент будет выяв-

лен и разоблачен на его участке. Мне почему-то представился огнедышащий отвал, куда сталкивают белокурого мужчину со связанными за спиной руками.

– Обстановка очень серьезная, товарищи, – продолжил чекист. – Некоторые наши граждане воспринимают провозглашенную партией политику гласности как призыв к вседозволенности и огульному поношению ценностей социалистического строя. Но одним из завоеваний социализма является дружба между народами. Те, кто отрицает советскую идеологию, автоматически отрицают проверенное временем братство советских народов. К чему ведет рост национализма, мы можем видеть на примере Великобритании, страны, по западным меркам относительно благополучной. В британском Ольстере уже который год подряд идет настоящая гражданская война. Там день и ночь гремят выстрелы и взрываются бомбы.

«Что-то он не то нам рассказывает, – подумал я. – В Северной Ирландии воюют между собой протестанты и католики, а никак не англичане и ирландцы. Но в целом он прав. Если хорошенько натравить одну нацию на другую, малой кровью не отделаешься».

Поблагодарив за внимание, представитель КГБ покинул зал. Вопросов ему никто задавать не рискнул, хотя выступление чекиста явно было недосказанным. На главный вопрос «что делать с прибалтийским корреспондентом после его задержания?» контрразведчик ответа не дал.

Место за трибуной вновь занял Комаров. Он предложил задать вопросы ему.

– Товарищ майор, – спросил кто-то из первых рядов, – цыгане едут в Томск. Как отнесутся к их приезду наши томские коллеги? Не развернут ли они цыган назад прямо на вокзале?

– О городе Томске пускай болит голова у томского начальника милиции, – усмехнулся Комаров. – Что будет происходить за пределами нашей области, нас не касается.

– У меня вопрос, товарищ майор, – со своего места поднялся Геннадий Клементьев. – В нашем, Заводском районе проживает небольшая цыганская диаспора, семей примерно двадцать. До сих пор особых хлопот они нам не доставляли.

– Чем в повседневной жизни занимаются ваши цыгане? – спросил Комаров.

– Женщины гадают в людных местах, попрошайничают, перепродают дефицитные товары, мошенничают и воруют все, что плохо лежит. Мужчины целыми днями валяются дома, пьют водку и играют в карты.

– Все слышали, какие виды традиционного цыганского промысла назвал товарищ Клементьев? Из всего перечисленного запомните одно – «попрошайничество». Теперь вернемся к люли. Они в своей повседневной деятельности разительно отличаются от всех привычных цыган. Люли, в силу их исторического развития, не гадают и не занимаются перепродажей товаров. Они даже селятся не в городе, а на свалке. Основной доход люли получают с переработки бытового

мусора и попрошайничества. Теперь представьте, что будет, когда на улицах нашего города столкнутся две группы попрошаек: с одной стороны – наши местные цыгане, с другой стороны – люли. Город у нас не резиновый, много подаянием не соберешь. При столкновении двух групп женщин-попрошаек неизбежно произойдет дележ территории. Естественно, наши цыгане грудью встанут на защиту своих «промысловых угодий». Но люли тоже кормиться с чего-то надо. Я даже думать не хочу, во что может вылиться это противостояние. Люли хоть и считаются самой мирной цыганской народностью, но ножи у них тоже имеются.

Я посмотрел на гипсового Ильича, на прицепленный к занавесу лозунг: «Перестройка – дело каждого!»

«Если всмотреться в профиль Ленина, – подумал я, – то он всегда лукаво ухмыляется, мол, не все так просто, ребята! Покопаетесь еще в грязи, что я вам оставил».

Пока я рассматривал Ленина, в зале возник спор.

– Геннадий Александрович! – в голосе Комарова слышались повелительные нотки. – Вы что, нам предлагаете изолировать всех местных цыган и держать их в импровизированном концлагере до тех пор, пока люли не уедут? Не проще ли поставить заслон перед кочевниками и не допустить их появления в городе? Все, вопрос закрыт! У секретаря совещания получите разнарядку, кто сколько человек должен будет выставить на вокзал седьмого мая. Тактически операцией будет руководить подполковник Орехов, начальник от-

дела обеспечения охраны общественного порядка областного УВД. Теперь перейдем к делам текущим.

Все начальники в зале, как по команде, склонили головы к нераскрытым ежедневникам. Отвечать за текущие дела никому не хотелось.

– Подполковник Клементьев, – Комаров обратился к Геннадия Александровичу по званию, что означало «сейчас ты у меня за свой язык поплатишься!», – чем вы объясните падение показателей в вашем районе?

Клементьев встал.

– У меня общий процент раскрываемости преступлений остался на уровне прошлого года.

– При чем здесь общий процент? – «удивился» Комаров. – Давайте поговорим о частностях. У вас в Заводском районе раскрываемость квартирных краж упала на ноль два процента, по раскрытию уличных хулиганств вы отстаете от прошлого года на целый процент! Сейчас май месяц, вы с чем думаете к полугодию подходить?

«Зря он стал спорить с Комаровым, – подумал я. – У кого цифры в руках, тот всегда прав».

– Малышев! – закончив тыкать Клементьева носом в упущения по службе, Комаров поднял с места нашего начальника РОВД. – Городская свалка находится на твоей территории? Завтра представишь мне обзорную справку о ней. Даже не так. Не будем откладывать полезное дело в долгий ящик. После совещания зайдешь ко мне и все устно доложишь.

Еще некоторое время будущий начальник штаба опрашивал руководителей органов о перспективах окончания полугодия, кого-то из начальников хвалил, кому-то угрожал выговором. За полчаса до обеда Комаров объявил об окончании совещания и распустил всех по домам. Я и Малышев пошли к нему на ковер.

В кабинете у Комарова начальник райотдела подтолкнул меня вперед.

– Товарищ майор, вот он, Лаптев, все вам расскажет о городской свалке. Он лучше меня разбирается в обстановке на полигоне.

– Присаживайтесь, товарищ Лаптев, – предложил бледнолицый «граф». – Рассказывайте, что там у вас и как.

Я подошел к столу Комарова, не спрашивая разрешения, по-хозяйски разложил на столешнице папки с бумагами.

– Это территория, занимаемая полигоном твердых бытовых отходов, – я провел рукой над папками, посмотрел на «графа». Он согласно кивнул, такой наглядный рассказ его устраивал. – Полигон делится на две части: свалка бытовых отходов и полигон для строительного мусора. У полигона для строительного мусора день и ночь горит отвал. Отвал – это такая широкая траншея, в которую бульдозером спихивают все, что может гореть. Один раз в неделю отвал подпывается самосвалом угля.

Комаров закурил, выложил пачку папирос перед собой. Я забрал папиросы и пристроил их на углу у крайней папки.

– Это недостроенное одноподъездное пятиэтажное здание, – сказал я, показывая на пачку «Беломора». – От него сейчас торчит один остов. Сколько я ни пытался узнать, зачем кто-то начал строительство здания на границе полигона твердых бытовых отходов, все тщетно. В управлении градостроительства и БТИ на него нет никакой документации. Стройтрест, который занимался его возведением, слился с головной организацией и весь архив передал ей. Сейчас архив находится в городе Новосибирске, и я к нему доступа не имею.

– Какой у нас все-таки бардак в стране! – искренне возмутился Комаров. – Давно пора порядок наводить. Если здраво подумать, зачем строить здание рядом с помойкой?

Мы с Малышевым пожали плечами, мол, не наше дело за стройками следить. Меня так эти руины вообще не касались – их возвели лет десять назад, когда я еще в средней школе учился.

– Сейчас я вам расскажу одну историю, – оживился Комаров. – Как-то поехали мы за грибами большой компанией. От ближайшего населенного пункта удалились в лес километров на пять, не меньше. Смотрим, посреди поляны лежит бетонный блок, толстый такой, для фундамента. Блок уже весь мхом порос, в землю просел. Вот спрашивается, кому было надо бетонный блок в чашу переть? Его же просто так не утащишь – грузовик нужен как минимум. Походили мы вокруг блока, так ничего и не поняли. Ну да ладно, это было

небольшое лирическое отступление. Продолжайте, товарищ Лаптев!

На левый угол стола я положил свою фуражку.

– Это поселок, именуемый в народе Нахаловка.

Комаров согласно кивнул, название ему было знакомо.

– Для управления градостроительства и архитектуры этого поселка не существует, но по факту он есть. Жители его в основном занимаются работами на полигоне. Главный их промысел – сбор пустых бутылок.

– Все хорошо, все понятно! – перебил меня Комаров. – Допустим, гипотетически, что цыгане-люли прорвались к нам в город. Где они остановятся?

– Вот здесь, у полигона бытовых отходов, напротив поселка Нахаловка.

– Не рискованно для них?

– Если цыгане не станут покушаться на стеклотару, то, я думаю, большого конфликта с местным населением у них не будет.

– Так, еще вопрос. Почему вы думаете, что люли станут табором у свалки с бытовыми отходами, а не у полигона со строительным мусором?

– Строительный мусор – вещь специфическая. Жители Нахаловки, например, разбирают вывезенную на полигон кирпичную кладку на отдельные кирпичи и продают их для дачного строительства. Схема добычи кирпичей и их сбыта давно отлажена, в них задействованы не только жители На-

халовки, но и водители грузовиков, бригадиры-посредники. Человеку со стороны там делать нечего. Если он и насобирает кирпичей, шифера или досок, то просто никуда не сможет его сбыть. Другое дело – бытовые отходы. Там всякое может попасться.

Комаров минуту подумал, отстучал пальцами барабанную дробь по столу, выудил из «недостроенного здания» папиросу, закурил.

– Завтра к утру набросайте для меня коротенькую справочку о полигоне. Схемы рисовать не надо, в экономические аспекты жизни маргинальных слоев общества углубляться не стоит. Опишите все в двух словах, с упором на географическое расположение объектов. Николай Алексеевич, – обратился Комаров к моему начальнику, – я констатирую похвальное знание вашими сотрудниками обстановки в районе. Не зря партия учит нас, что вся сила преобразовательного движения – в молодежи. Работайте в этом направлении. Успехов вам!

– Смотри не возгордись, «племя младое, незнакомое», – подколол меня Малышев на выходе из областного УВД.

Я пропустил его язвительный пассаж мимо ушей и спросил то, что меня заинтересовало в ходе совещания:

– Николай Алексеевич, я начал работать с Клементьевым в 1982 году. Если не ошибаюсь, его еще два года назад в начальники райотдела прочили, а воз и ныне там. Кто ему палки в колеса ставит?

– Клементьев сам себе ходу не дает. Ты знаешь, что ментов губит? Вот и весь сказ. Про справочку для Комарова не забудь!

Малышев перешел через дорогу, сел в ожидавшую его служебную «Волгу» и укатил. Скорее всего, домой, обедать. Начальники всегда едят дома, на обедах в столовой экономят. Я посмотрел по сторонам. Никого из знакомых, кто бы подбросил меня на машине до райотдела, уже не было. Пробормотав: «Всегда так», я пошел на остановку общественного транспорта.

По пути я вспомнил о Клементьеве.

«Как говорится, «губит ментов не пиво»! Губят их или водка, или женщины. В особом пристрастии к слабому полу я вроде бы Геннадия Александровича не замечал, а вот про спиртное ничего сказать не могу – давненько его не видел».

По трудно объяснимым причинам с тех пор, как я перешел работать в Кировский РОВД, Геннадий Александрович Клементьев стал относиться ко мне с прохладцей, словно я кулуарно критиковал фасон его новых брюк. Так бывает – поддерживаешь с человеком приятельские отношения, потом бах! – ни с бухты-баряхты, на ровном месте, разошлись пути в разные стороны, и от былых теплых чувств осталось только холодное «Здравствуйте!» при встрече.

На остановку подошел переполненный трамвай. Спрашивается, куда все эти граждане в разгар рабочего времени едут? Что им всем надо в Кировском районе? Ничего инте-

ресного там нет. Пока нет. Вот если цыгане прорвутся, то жизнь наверняка колоритнее станет.

Пробившись сквозь толпу на заднюю площадку, я отеснил от поручня какую-то костлявую гражданку и замер, разглядывая пейзаж за окном.

На областном дворце спорта, во всю торцевую стену, красовался плакат «Социализм – это спорт!». Под лозунгом о сплаве спорта и социализма к финишной ленточке бежали одетые в трусы и майки немолодые спортсмены. По замыслу автора плаката, бегуны были рабочими, после трудовой недели занимающимися бегом на длинные дистанции. Логично! Спиртного в стране не достать, что еще остается делать? Бежать, бежать куда глаза глядят!

Зачем у нас на каждом углу развешивают плакаты, которые ничего, кроме раздражения, не вызывают? Мы живем в обстановке тотальной лжи и лицемерия. Ничему верить нельзя! Включишь телевизор: как хорошо в стране советской жить! Всюду радостные лица и изобилие. Зайдешь в магазин, а там – мама дорогая! – за каким-то разжиженным молоком очередь в полкилометра. По всему городу плакаты, призывающие к трезвости, а вечером идешь домой – пьяные на каждом углу стоят. Сегодня в гастроном у моего общежития завезут водку. После двух часов у винно-водочного отдела будет «битва народов», все трезвенники района за бутылкой слетятся. И так везде и во всем – кругом одно вранье. Такое ощущение, что мы живем в двух параллельных измерениях:

реальном и вымышленном, где все благостно и гладко.

Сквозь толпу на заднюю площадку пробилась кондукторша. Я показал ей служебное удостоверение. Она сморщилась, словно я попросил у нее денег до зарплаты, и, расталкивая пассажиров локтями, двинулась назад.

До сей поры я считал, что второй, параллельный мир – это жители Нахаловки, добывающие себе пропитание на городской свалке. В Нахаловке ведь «советская власть» – понятие относительное. Одному богу известно, сколько отвал поглотил мужчин и женщин, погибших в пьяных разборках. Теперь выясняется, что Нахаловка – это относительно мирный и культурный поселок. Оказывается, на просторах страны победившего социализма все еще кочуют полудикие племена, на которые советская власть давно махнула рукой. Живите, ребята, как хотите! Только не у нас в области, а желательно где-нибудь подальше. Махните, например, всем племенем на остров Вайгач. Там классные места: свежий воздух, полное рыбы море, тюлени, птички гагары. Разобьете палатки на берегу Баренцева моря, научитесь белых медведей палкой отгонять. Чем не жизнь? Все лучше, чем по советским помойкам шлындать.

Трамвай на стыке рельсов тряхнуло. Я глянул на очередной плакат, призывающий заняться спортом, и засмеялся. Мне вдруг представилось, что у советской власти дошли руки до цыган-люли и кочевники стали заниматься спортом. Раннее утро. На окраину табора выбегает бородатый барон

в красных спортивных трусах, за ним – его жены в длинных цветастых юбках, за ними – дети, старухи, подростки. Раз-два! Раз-два! И – побежали трусцой вокруг палаток! А куда денешься? Социализм в стране, а социализм – это спорт.

Глава 7. Студенты

Неприятности начались ближе к вечеру. Вначале позвонил Айдар. Слышимость в телефоне была неважная, все время что-то потрескивало, шуршало.

– Андрей, мы всех студентов установили, сейчас сидим с ними в деканате мединститута.

– Везите всех сюда, – распорядился я.

– Не все так гладко, как мы думали. Есть одна проблема, но это не телефонный разговор. Здесь, как бы тебе сказать, замешана одна девочка, а ее папа у нас работает. Что делать?

– Девочку пока отбрось, а остальных – в отдел.

– Андрей, я не знаю, как бы это сказать, словом, девочка замешана в этой теме по самые уши. Короче, «подарок» у нас появился с ее подачи. Это она предложила к нам «гостя» привезти.

– Кто ее отец? – напрягся я, ожидая услышать фамилию какого-нибудь высокого чина из областного управления.

– Не могу говорить, я здесь не один в помещении... Сейчас, подожди минуту... Ты еще на связи? Короче, о девочке уже в деканате знают, подельники ее с ходу заложили, ни минуты не запирались.

– Если уши вылезли наружу, то вези всех сюда. Девочка, часом, не генеральская дочка?

– Да нет, у нее родитель всего-навсего подполковник. –

Дальше в трубке что-то зашипело, и окончание его фразы я не расслышал.

– Айдар, ты меня слышишь? – спросил я потрескивающую пустоту. – Возвращайтесь в отдел. От подполковника я как-нибудь отплююсь.

Первым из института приехал Горбунов.

– Андрей, – в неформальной обстановке он обращался ко мне по имени, – мы решили студентов в два захода привезти. Вначале я с парнями приехал, вторым рейсом – Айдар с девчонками подтянется. Одна девочка, скажу тебе, очень даже ничего. Фигуристая, глазастая.

– Ваня, я тебя не свататься отправлял. Где студенты?

– В коридоре дожидаются.

– Заводи по одному.

– Андрей, по одному расспрашивать смысла нет, они все одно и то же говорят. Давай со всеми разом покончим.

Я согласился. Горбунов ввел в кабинет трех запуганных юношей лет двадцати.

– Рассказывайте мне все события по порядку, – приказал я.

– Мы уже за сегодня сто раз про это проклятое Первое мая рассказали, – пробубнил один из студентов.

– Мне плевать, кому ты и что рассказывал! – вспылил я. – Запомни, здесь я – главный! Понадобится, будешь мне до утра вспоминать, кто у вас за столом икнул, а кто воздух втихоря испортил. Ты меня понял?

– Парни, – примирительно обратился к студентам здоровяк Горбунов, – это Андрей Николаевич, наш начальник. Сергей, расскажи ему всю историю по порядку, как нам с Айдаром Кайратовичем рассказывал.

Самый высокий из студентов, шмыгнув носом, осторожно присел на предложенный стул. Я протянул ему сигареты, он отрицательно помотал головой: «Не курю!»

– Значит, так, Сергей, – обратился я к студенту. – Запомни: от меня зависит, как мы квалифицируем вашу выходку с покойником. Если ты думаешь, что перевозить мертвеца с места на место – это не уголовное преступление, то ты глубоко ошибаешься. Как говорится, «в жизни всегда есть место подвигу», и уголовной статьечке в ней всегда место найдется. Давай, дружище, соберись с духом и поведай мне, как вы провели светлый праздник Первомай. Я на основании твоего рассказа сделаю выводы, что же произошло в этот прискорбный день: испуг, помноженный на жизненную неопытность, или умышленное надругательство над телом покойного. Поехали, я весь внимание.

– После демонстрации Первого мая мы решили собраться у Вити Жихарева, – обреченно начал студент. – В тот день у него предки съехали на дачу, так что хата была пустая. Спиртное, две бутылки портвейна «777», мы купили заранее. Всего нас к Жихареву пошло шесть человек: четверо парней и две девчонки.

– Стоп! – жестко перебил я рассказчика. – Ты не тетя

Валя Леонтьева, сказочки мне на уши вешать не надо. Что за бред ты несешь, уважаемый? Вы собрались с девчонками выпить-закусить и взяли всего два «огнетушителя»? А если не хватит, то в ближайшем магазине решили докупить? Посмотри мне в глаза! У тебя есть знакомый директор гастронома, который в праздничный день откроет тебе «закрома Родины»? Нет? Еще не успел нужными связями обзавестись? Тогда не ври мне про две бутылки портвейна на шесть человек.

– У моих родителей брага стояла, – дерзко, с вызовом заявил сидящий у дверей студент.

– Твоя фамилия Жихарев? Это вы у тебя дома собирались? Бражку хоть ничего родители поставили, не на томатной пасте?

– На томатной, – неохотно признался он.

«Вот и вся разгадка трупа на свалке, – догадался я. – Дома у парня была фляга с брагой. Если бы они вызвали «Скорую помощь», то следом приехала бы милиция. Осмотр трупа, осмотр места происшествия. Сорокалитровая фляга с бражкой не коробок спичек, в карман не спрячешь. Выбор у них был невелик – либо прятать труп и уводить подозрения от квартиры, либо подставлять родителей Жихарева под удар. Вот тебе и «сухой закон»! Вот тебе и следствие борьбы за трезвость».

– Продолжай, – велел я Сергею. – За брагу не беспокойтесь, мы самогонварением не занимаемся. Труп, это да, это

по адресу, а за бражкой пусть участковый охотится.

– Сели мы за стол, распили бутылку вина, – продолжил студент Сергей. – По телевизору начался праздничный парад. Мы разлили еще по стакану, и тут Грибанов, это тот, который умер, как закричит: «Зуб, зуб!» – и повалился на пол.

– Он вначале рукой схватился за щеку, – добавил Жихарев, – а уж потом закричал и упал. Я сперва ничего не понял, подумал, что он из-за зубной боли сознание потерял, а потом смотрю, у него по ногам конвульсия пошла, руки трясутся, глаза помутнели.

– Мы решили, что это приступ эпилепсии, – вновь вступил в разговор Сергей. – Попробовали его откачать – не получилось. Он умер у нас на руках примерно через час, как начался припадок.

– Это не припадок был, – заметил я. – Он умер от врожденной аневризмы головного мозга. Спасти его вы бы все равно не смогли, но, как я вижу, даже не пытались. Вам не жалко было своего товарища, когда он в судорогах помирал у вас под ногами?

Студенты опустили головы. Наступила нехорошая тишина.

– Ладно, поехали дальше! – велел я.

Сергей неприязненно посмотрел на Жихарева и продолжил:

– Одна девчонка с нашей группы, ее Света зовут, предложила вывезти труп за город. Она говорит: «Умер он сам по

себе, так что давайте вывезем за город, куда-нибудь в поле, и получится, что он сам туда пришел и там уже умер». Мы все согласились. Мы же не должны все страдать, потому что у него сосуд в голове лопнул.

– Вам не страшно было с покойником в одной комнате сидеть? – спросил я.

– А чего бояться, мы же в мединституте учимся. Настроения, конечно, никакого не было, а так, сдвинули его к стене, чтобы ходить не мешал, да сели за стол думать, что дальше делать.

– Да, да, – задумчиво сказал я. – Положили покойничка лицом к плинтусу и сели за стол. Праздник же, чего раньше времени веселье заканчивать? Клянусь вам, парни, я не удивлюсь, если вы после его смерти по стаканчику-другому бражки пропустили, так сказать, за упокой души новопреставленного. Хорошо, хоть к танцам не приступили. Или поплясали с полчасика? Жихарев, скажи мне, а ведь куда проще, чем с покойником мудрить, вылить брагу, прополоскать – и делу конец! Чистая фляга, она как чистая совесть – любой в нее заглянет и компромата не найдет.

– Ага, – насупился Жихарев, – а что бы я потом родичам сказал, куда бражка делась?

– Обалдеть, какая у тебя логика, – изумился я. – Пропажа браги – это катастрофа, а труп в квартире – это так, пустячок. Теперь тебе твоя бражка боком выйдет.

– Она не моя, а родителей, – уточнил Жихарев.

– Едем дальше, – предложил я. – Итак, у вас есть труп. Шустрая девочка предложила вывезти его за город. Что дальше было?

– Андрей пошел за ключами от машины, – Сергей показал на парня, доселе молчавшего.

Кивком головы я велел своему тезке вступить в разговор.

– Я сходил домой, – мрачно начал студент Андрей. – У родителей были гости. Пока они сидели за столом, я незаметно взял ключи от гаража. Потом пошел в гаражный кооператив, завел отцовские «Жигули» и приехал к Жихареву. Я и Сергей взяли Грибанова под руки, спустили в машину и запихали на заднее сиденье. Девчонки нас страховали, смотрели, чтобы никого у подъезда не было.

– Ловко вам все с рук сошло. Вначале ты, пьяненький, на отцовской машине разъезжаешь по городу, потом вы мертвеца по лестнице спускаете и в «Жигули» усаживаете. Сколько примерно времени было?

– Около пяти вечера, – ответил Жихарев.

– Понятно. Самый разгар веселья, все еще не дошли до кондиции и за столом сидят. Гаишников тоже можно понять, они телевизор смотрят, конца смены ждут. Поехали дальше. Кто дорогу показывал? Кто в автомобиль сел?

– Я был за рулем, – начал перечислять тезка. – Серега сел на переднее сиденье, остальные – сзади. Всех называть? Грибанова сдвинули влево, рядом сел Жихарев, у окна Светка. Еще одна девчонка, Таня, пошла домой. Вначале мы просто

выехали из города, потом случайно увидели указатель «Полигон твердых бытовых отходов». Поехали туда. Свернули с трассы, подъехали к полигону. Светка сбегала, посмотрела, кто в сторожке у шлагбаума. Там спал пьяный сторож. Мы подъехали к сторожке, открыли шлагбаум и заехали на полигон. По нему двигались, пока не уперлись в гору мусора. Вышли из машины, посмотрели – вокруг никого. Вытащили Грибанова, взяли вчетвером его за руки за ноги и понесли вдоль горы. Когда отошли метров на тридцать, положили его на землю, а сами вернулись назад. Я подвез ребят до дома Жихарева, поставил машину в гараж и пошел домой.

– Отец не догадался, что ты на его «Жигулях» разъезжал? – спросил я.

– Он еще в гараже не был, не видел, что я почти весь бензин искатал.

– Так-с! – я, подражая Комарову, отстучал пальцами по столу барабанную дробь. – Дальше что было? Кто какой план предложил?

Студент Сергей тяжело вздохнул, с откровенной неприязнью посмотрел на Жихарева.

– Еще перед поездкой мы договорились, что если у нас все удачно пройдет, то скажем, что Грибанов ушел от нас в три часа и поехал к себе в общежитие.

«Неопытные детишки! – подумал я. – Избавиться от трупа у них ума хватило – и на этом все! Дальше – ни алиби, ни раскадровки действий по времени и пространству».

В кабинет вошел Айдар. Жестом вызвал меня в коридор.

– Я привез девчонок, – доложил он.

– Где они?

– Спросил бы лучше: «Кто они?» Одна так себе, а другая – начальника Заводского РОВД дочка.

– Кто-кто?! – мне подурнело. Неприятный холодный ком скатился вниз живота, в ногах появилась предательская слабость.

Вот так номер, вот так удар судьбы!

«Все сходится, – подумал я, – даже фамилию уточнять не надо. Дочь у Геннадия Александровича Клементьева зовут Светой, учится на втором курсе мединститута. Естественно, что именно ей пришла в голову мысль вывезти труп за город. Дети милиционеров на генетическом уровне впитывают в себя основы криминального мышления. А как иначе? Дома постоянные разговоры о раскрытии и расследовании преступлений, тут волей-неволей научишься изворачиваться и ловчить».

– Где она? – упавшим голосом спросил я.

– Вон, у окна стоит, – ответил Айдар. – Светленькая такая, волосы до плеч.

– Скажи ей, чтобы оставалась на месте. Сам иди к Лиходеевскому и попроси его кабинет на полчаса для конфиденциального разговора. Ты Клементьеву ничего не сообщал?

– Ему из деканата позвонили. Преподаватели, пока мы там были, обзвонили всех родителей. Они бы уже тут были,

да не знают, из какого мы отдела. Погоди, сейчас справки наведут и устроят нам Содом и Гоморру. У того пацана, который выше всех ростом, у Сергея, мамаша в горпромторге работает. Сейчас она всех знакомых на уши поставит, всем своим бластным прозвонится.

– Иди к Лиходеевскому, проси кабинет.

Оставив Клементьеву на потом, я вернулся к студентам.

– Коротко – кто как провел остаток дня первого мая?

– Я посидел за столом с гостями, посмотрел телевизор и лег спать, – ответил тезка.

– Я вернулся домой и весь остаток вечера провел с родителями, – доложил Сергей.

Жихарев помолчал, посмотрел на свои запылившиеся за день туфли, глубоко вздохнул и выдал:

– Я и Клементьева вернулись ко мне домой. Она помогла мне прибраться в квартире. Мы помыли посуду, попили чай, и она ушла к себе домой.

– Врешь ты все! – внезапно выпалил Сергей. – Сам же похвалялся, что до утра с ней кувыркался! Ты же сегодня перед лекциями в туалете парням заявил, что Клементьева – шлюха, каких свет не видывал!

– Я это сказал, – парировал Жихарев, – чтобы тебя позлить. Ты же к ней в трусы залезть мечтаешь, да она тебе все никак не дает. Пластик жвачки предложи, тогда согласится.

– Стоп! – я с размаху хлопнул ладонью по столу. – Кто с кем спал, будете разбираться в другом месте. Мой вам совет:

если решите драться по-серьезному, а не так себе, до первой крови, то поезжайте в другой район. Идите на трамвай. Через шесть остановок отсюда моя территория закончится, там и бейтесь, а у меня в районе разборки наводить не надо. Честно скажу, по второму кругу я на ваши трусливые рожи смотреть не желаю.

Дверь в кабинет открылась, заглянул Далайханов.

– Дело сделано – пастбище очищено.

– Иван, Айдар, – обратился я к операм, – сейчас в две руки возьмите с них объяснения и отпускайте студентов по домам. Если за ними приедут родители, с них тоже возьмите коротенькие объяснения.

– Что теперь с нами будет? – спросил тезка.

– В юридическом плане или в житейском? С нашей стороны можете ничего не опасаться. Мы вынесем постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Я лично в ваших действиях состава преступления не вижу. Грибанов, как ни крути, умер от врожденного заболевания. Спиртное вы ему насильно не вливали, так что в своей смерти он сам виноват. А вот в житейском плане – тут я вам ничего не скажу. Вы повели себя во всех отношениях трусливо. Вы же не знали и не могли знать, что никакая «Скорая помощь» Грибанову не поможет. Он валялся в агонии у вас под ногами, а вы только о своей безопасности думали. Что мне вам сказать? По нашим законам за трусость не судят, а остальное – не в моей компетенции.

Я вышел в коридор.

– Айдар, придет Клементьев, будет спрашивать про дочку, ничего ему не говори. Выдержишь натиск?

– Андрей, я же нерусский, бараном прикинусь, на Ваньку все стрелки переведу.

– Отлично, так и поступим. Света! – позвал я.

В дальнем конце коридора с лавочки поднялась одетая в ветровку девушка.

– Света, пошли поговорим.

Пока время есть.

Глава 8. Отец и дочь

Впервые я увидел дочь Геннадия Александровича осенью 1983 года, когда останавливался переночевать у него дома². Светлана тогда была худенькой угловатой девочкой, погруженной в свои подростковые проблемы: родители ее не понимали, у парней-сверстников она успехом не пользовалась. Мне, естественно, о парнях Света ничего не рассказывала, но я-то видел, как она старается произвести на меня впечатление.

Во второй мой приезд мы со Светой сидели на кухне вдвоем, и я, воспользовавшись моментом, хлопнул ее по упругой попе, чтобы она не мнила себя секс-символом местного разлива. Это был единственный раз, когда я дотронулся до Светы, и единственный раз, когда мы достаточно откровенно поговорили на личные темы. Все остальные наши встречи были мимолетными и в присутствии ее родителей.

Как девушку, с которой можно завязать интимные отношения, я Светлану никогда не рассматривал. Для меня она с самого начала была дочерью моего бывшего начальника, и никем более. Интересно, конечно, было наблюдать, как она крутится передо мной, но я не обольщался. Приди вместо меня в гости к Клементьевым любой другой молодой муж-

² Подробнее о семье Клементьевых – в книге «Лагерь обреченных».

чина – Света точно так же дефилировала бы перед ним в обтягивающем халате.

Я не видел Свету около года. За прошедшее время она похорошела. Юношеские прыщи больше не донимали ее, тонкие ножки перестали походить на ходули, приставленные к миниатюрной фигурке. Я бы сказал, что Клементьева за время учебы в институте поправилась на размер и приятно округлилась в нужных местах. Длинные волосы она обесцветила, стала пользоваться яркой косметикой. На мой взгляд, количество румян и теней, нанесенных на ее личико, было избыточным, но тут ничего не поделаешь – мода! Мода и родительский кошелек. Самый простенький набор турецких теней на базаре стоит не меньше полтинника. Не каждому по карману. Геннадию Александровичу доход позволял выбрасывать деньги на ветер.

«Господи, сколько же она слоев штукатурки на себя нанесла? – рассматривая Свету вблизи, подумал я. – Как с такой косметикой можно в институт ходить, все же на тебя внимание обращать будут? А может, я что-то не понимаю в женской моде? Нет-нет, ретроградом я не становлюсь. Просто есть здравый смысл, который подсказывает, что русская женщина не должна быть похожа на индейца, вставшего на тропу войны. И еще. Спрашивается, зачем она перекрасилась в блондинку, если и так светленькая была? Прежний цвет волос был нисколько не хуже».

Впустив Светлану в кабинет Лиходеевского, я прикрыл за

собой дверь, указал девушке на свободный стул, сел напротив.

– Привет, Светлана Геннадьевна! Давно не виделись. Как жизнь? Какими судьбами в наших краях?

Светлана села на предложенное место, скривила губы, скептически осмотрела кабинет.

– Закурить есть? – развязным тоном спросила она.

– Не рановато ты курить начала? Родители ругаться не будут?

– Пускай ругаются, – фыркнула девушка. – Я не маленькая, чтобы от них прятаться.

– Вижу, вижу – подросла. А дома ты куришь? У отца сигаретки стреляешь?

– Дома не курю, – неохотно ответила она.

Я выложил перед Светой на стол пачку «Родопи» и спички. Она закурила, держа сигарету самыми кончиками пальцев.

– Что нам теперь будет? – помолчав, спросила она.

– Десять минут назад твой однокурсник меня спрашивал о том же самом. Отвечу. Я в ваших действиях состава преступления не усматриваю, так что в возбуждении уголовного дела откажу.

– Понятно, что откажешь, – усмехнулась Света. – Уголовного дела я не боюсь. Папа не даст меня под раздачу подставить, отмажет, или ему самому головы не сносить. У вас в связи с перестройкой ничего не поменялось – если на меня

возбудят уголовное дело, то отца автоматически из милиции уволят?

– Не сразу, но уволят.

– Вот видишь, чего мне бояться? Папа не за меня заступится, он свою задницу прикрывать будет. Скажи лучше, нас из института отчислят или на первый раз простят?

– Я думаю, отчислят.

– Я тоже так думаю. Пока время есть, надо самой документы из института забрать и этим летом в университет поступить. Скажу в приемной комиссии, что ошиблась в выборе профессии – училась, училась и поняла, что боюсь крови. Пойду в педагоги, буду нести детишкам доброе, светлое, вечное.

– Света, ученики, как увидят тебя в такой раскраске, от страха под парты спрячутся.

– Лишь бы не описались от страха, а остальное – ерунда.

«Она специально себя так ведет или за время учебы в институте успела нахвататься вульгарностей? – подумал я. – Забавно, моя мать всех крашенных блондинок, независимо от возраста и социального положения, считает развратными женщинами. Если бы сейчас при разговоре присутствовала моя мамаша, она бы навсегда укрепила свое мнение».

Светлана затушила окурок, не вставая с места, потянулась, подняла с пола свою модную сумку с ремнем через плечо.

– Отец скоро за мной приедет? – как бы между прочим

спросила она.

– Не знаю. Я ему не сообщал, что ты у нас в отделе. Света, рядом с тобой телефон стоит, позвони папе, доложи, где ты есть.

– Больно надо, сам найдет!

Она достала из сумки ватку, пузырек с бесцветной жидкостью, смочила ватку, тщательно протерла пальцы правой руки.

– У меня по молодости была одна знакомая, так она, чтобы руки табаком не пахли, курила сигарету, зажав двумя щепочками. Кстати, тоже была любительница во взрослую жизнь поиграть. В шестнадцать лет первый аборт сделала.

– Андрей, за кого ты меня принимаешь? – дернулась она.

– Света, с самого начала разговора мне было жутко интересно, как ты ко мне станешь обращаться. По имени-отчеству – вроде слишком официально, а просто по имени – как-то вызывающе получится, я ведь старше тебя и уже кое-чего в жизни добился, а ты пока только кривляться научилась. Не надо, Света. Я тебя не для того позвал, чтобы ты мне свою независимость демонстрировала.

Она моментально остыла, печально выдохнула, отодвинула от себя ставшую ненужной сумку, подняла голову, посмотрела мне в глаза.

– Скажи, ты помнишь тот день, когда заигрывал со мной у нас на кухне?

– В мыслях не было к тебе приставать, – побожился я.

– Не выкручивайся, я помню, как ты на меня смотрел. Ты был первым мужчиной, который так откровенно меня рассматривал. Да черт с ним, смотрел и смотрел, я не об этом. Скажи, что ты по поводу моего парня думаешь? Он все вам выложил, ничего не утаил?

– Ты про Жихарева спрашиваешь? Я не дал ему углубиться в интимную тему, а вот в институте он, похоже, прошедшую ночь в красках описал. На мой взгляд, лучше бы ты с Андреем дружбу водила. Или с Сергеем, у которого мать в торговле работает.

– Понятненько, – протянула она. – К тому, что было, он добавил свои эротические фантазии, и мне теперь одна дорога – побыстрее из института уматывать, пока меня на весь город не ославили. Почему все мужики такие болтливые? Как добьются своего, так обязательно надо перед друзьями похвалиться. Нездоровый коллективизм. Ничего нельзя в тайне сохранить.

– Не люби болтуна – не породишь слухов.

– А ты не болтливый? На тебя можно в трудную минуту положиться? Скажи мне честно, Андрей, если меня из дома выгонят, к себе пожить возьмешь?

– Чего-чего? – изумился я.

– Того-того! – передразнила она. – Не прикидывайся, что не расслышал или не понял, о чем я говорю. Ты думаешь, я не знаю, что сейчас дома будет? Отец выпьет рюмку-другую и станет меня по всей квартире гонять. Мать заступится.

Пока они будут спорить, я успею из дома убежать. Раньше я у бабушки отсиживалась, а сейчас ее нет, друзей нет, вместо подруг – одни сволочи. Остаешься только ты. У тебя же сейчас жены нет, приютишь меня на время, пока пыль уляжется?

– Я вижу, ты недурно осведомлена о моем семейном положении, – обескураженно ответил я.

– Чего там, осведомлена! Отец как в Верх-Иланск съездит, так о тебе разговоров на весь день: от этой ушел, с той не ужился... Родители на свадьбе у Наташи Антоновой были, говорят, ты даже в ЗАГС не пришел. Обиделся, что ли?

– Пошли, – отрезал я. – Рандеву окончено.

– Никуда я не пойду, пока ты мне не ответишь.

Я встал, подошел к окну, посмотрел на крыши соседних домов.

– Отец давно пить начал? – не поворачиваясь, спросил я.

– Давненько, – невесело вздохнула она. – Как придет с работы, у него один разговор: «Я устал, мне надо стресс снять». Рюмка-две, и начинает меня жизни учить. Будешь с него пример брать, таким же станешь.

– Как брат поживает?

– Как поживает? – усмехнувшись, переспросила она. – Маленький он еще. У него пока кораблики и пираты на уме. Год-два пройдет, и он вступит в стадию «девочки, сигареты, портвейн».

– Наоборот, Света. Мальчики взрослеют в обратном по-

рядке: вначале сигареты, в финале – девушки.

– Зачем ты про Сашу спрашиваешь, отвлечь меня хочешь? Сам-то в тринадцать лет чем занимался?

– Мне было легче. У меня в тринадцать лет отец не выпивал. Он и сейчас не пьет.

– Пьет не пьет, какая разница? Сам же говорил, что никогда не мог с родителями общий язык найти. Они тебе когда курить разрешили?

– Никогда. До тех пор, пока я не уехал в Омск, я при родителях не курил.

– Андрей, – жалобно позвала она, – я же серьезно спросила. Если меня из дома выгонят, я могу к тебе прийти?

Я обернулся. Чем меньше оставалось времени до встречи с отцом, тем больше Светлана сжималась, словно из нее частями выпустили избыточный воздух. Уменьшившись в объеме, Света стала похожа на ту прежнюю девчушку, с которой я откровенно болтал на кухне три года назад.

«Куда только подевалась вся напускная вульгарность? – подумал я. – Какие дивные метаморфозы! Куранты на Спасской башне пробили час «икс», и, как по мановению волшебной палочки, распутная девка растворилась в кабинете, а вместо нее за столом осталась сидеть запуганная девчушка, которая зачем-то накрасилась, как вокзальная буфетчица».

Мне стало по-человечески жалко Свету, но лезть в чужую жизнь я не собирался. Сами как-нибудь разберутся.

– Пошли, – негромко сказал я. – Не будет тебя сегодня

отец воспитывать. Чего на тебе злость вымещать, если поезд ушел? Поздно уже крыльями хлопать. О будущем думать надо.

– Если я сегодня таблетками отравлюсь, моя смерть на твоей совести будет.

– Перед тем как травиться, напиши записку, что это я в твоей смерти виноват.

Мне показалось, что она готова разреветься. Жизненный опыт подсказывает, что если у женщины от обиды задрожали губы, то слезы уже на подходе.

– Ты про записку не забудь, – глядя Свете в глаза, сказал я, – а то ведь нехорошо получится – в твоей смерти виноват я один, а подумают на родителей. Все, хватит нюни распускать! Пошли ко мне объяснение писать.

Дверь в кабинет рывком распахнулась. На пороге, во всей своей красе, стоял Геннадий Александрович Клементьев. По его раскрасневшемуся лицу было понятно, что перед поездкой он успел приложиться к бутылке.

– Вот вы где! – воскликнул Клементьев.

«Вовремя! – подумал я. – Еще немного, и я не знал бы, куда ее девать. В город одну отпускать ни то ни се – предчувствия дурные, а к себе вести... Нет уж, пускай сами разбираются!»

– Вы все, закончили? – обдав меня водочным перегаром, спросил Клементьев.

– Осталось письменное объяснение получить, – ответил я.

– Завтра допросите, а сегодня мне надо во всей этой истории разобраться. А ну-ка, Света, встань!

Геннадий Александрович придирчиво осмотрел дочь с ног до головы, словно проверял, не растеряла ли она за день одежду, не лишилась ли руки или глаза.

– Иди вниз, машина у подъезда, – приказал он дочери.

«Если она сейчас вместо его служебной «Волги» рванет во дворы, а ночью ко мне придет, вот так история будет! Не дай бог таких испытаний! Геннадию Александровичу Света, какая бы она ни была, все равно дочерью останется, а он на меня потом все свои родительские промахи вывалит, во всем меня обвинит: и в том, что было, и в том, к чему я никакого отношения не имею».

– Пойдемте ко мне, – предложил я. – Это чужой кабинет, пора его освободить.

Мы вышли в коридор. Светлана без лишних напоминаний, покорно, как овечка на заклание, пошла вниз. Клементьев проводил ее долгим взглядом, достал сигарету, прикурил.

– В этом деле никаких подводных камней нет? – спросил он.

– Завтра сам лично «отказной» сделаю, – заверил я. – Если надо будет, с прокурором договорюсь, объясню, что к чему.

– Не то ты говоришь, Андрей, не то, – прервал меня Клементьев. – Надо сделать так, чтобы Светка в этом деле вооб-

ще не фигурировала. Надави на этих щенков, пусть дадут показания, что она ушла с гулянки еще до того, как этот ухарь очоурился. Пойми меня правильно. В последнее время на меня в областном УВД зуб точат, ко всему придираются. Если дойдет до генерала слух, что моя дочь замешана в темной истории, он взбесится на ровном месте. Отправит меня в ссылку в какую-нибудь дыру вроде Верх-Иланска. Ты сам был в таком положении и должен понимать, что такое из областного центра в тьмутаракань вылететь. Поработай с этими сопляками, ночь длинная, к утру заговорят как надо.

– Геннадий Александрович, – не задумываясь, ответил я, – я сейчас этих пацанов выпущу, а вы куда хотите, туда их и везите. Можете их в Заводском отделе до утра продержать, а можете до конца недели у себя оставить. Я ничего переписывать не буду.

– Вот так всегда, – нехорошо усмехнулся Клементьев. – В радости друзей полон дом, а в беде положиться не на кого. Я вижу, ты позабыл, кто тебе в трудные времена поддержку оказал. Я, честно говоря, считал тебя своим другом, а ты оказался дерьмом.

Он отшвырнул недокуренную сигарету на пол и ушел на лестницу.

«Если Светка вечером придет, оставлю ее у себя, – решил я. – С папашей ее моя дружба закончилась, а девчонку жалко».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.